

Иван Щёлоков

ПОЭМЫ

Воронеж
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5
Щ46

*Издание осуществлено на средства стипендии
Министерства культуры Российской Федерации.*

Щёлоков, И.А.
Щ 46 Поэмы / И.А. Щёлоков. — АО «Воронежская област-
ная типография». — Воронеж, 2024. — 176 с.

ISBN 978-5-4420-1178-4

Поэмы Ивана Щёлокова написаны в сложные моменты отечественной истории — в постперестроечные и нулевые годы нашего века. Главные герои вовлечены в глобальные баталии, когда прежние духовно-нравственные ориентиры и ценности отторгаются и подменяются циничными и жестокими правилами общественного устройства. Как сохранить себя, отстоять свой нравственный выбор и не стать жертвой в коварных играх бытия?

ISBN 978-5-4420-1178-4

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

© Щёлоков И.А., 2024.

«НА СЛУЖБЕ СОБСТВЕННОЙ СТРОКИ...»

Поэмы Ивана Щёлокова

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?

А.Н. Радищев

Поэма — жанр испытующий и высокий, требовательный и воспевающий, а человек в ней — символ эпохи и даже века. Не каждый к этому жанру подступится и не всякий с ним успешно справится. Если не на высоте своего времени окажется поэт, она не станет для читателя интересной и духоподъемной, как парусник в безветрие для морского волка-романтика. Взявшийся за перо должен уметь работать не только с актуальными событиями и проблемами, но и с глобальными, вечными смыслами, «землю всю охватывая разом», как говорил Маяковский. Какую дерзость, какую решимость надо иметь, чтобы броситься к безмолвным белым страницам...

«Поэмы вообще падчерицы антологий, — писал известный профессор-славист В.Ф. Марков, — в наше время поэм больше не читают». Читают, конечно, но пишут редко. Иван Щёлоков за 1990–2000-е годы написал, помимо многих книг лирики, пять поэм! Назову их не по датам издания, а по времени написания, указанному самим автором:

«Знак Водолея» (1991), «Сон-звезда» (1992–1993), «Красный пояс» (1999), «Роман без знака препинанья» (2001–2002), «Ячменка» (2005, 2014).

Две первые из них, можно сказать, звездные — в них действуют силы невидимые, космические, по сути своей они о России, о ее роковой и трагической судьбе. В кратком авторском предуведомлении к поэме «Знак Водолея» сказано: «По утверждению астрологов, Россия расположена под зодиакальным знаком Водолея, что сулит ей якобы особую благосклонность звезд в грядущем XXI веке. Хочется от души верить в предсказание, но пока сердце переполняют совсем иные, отнюдь не радостные чувства». Он ощущает себя меж противоборствующих сил и стихий, между противоположно заряженных объектов и феноменов бытия: Запад и Восток, ад и рай, свет и тьма, добро и зло, истина и ложь, Бог и Дьявол и т.п. А себя автор видит посередине «проросшим на русской земле колоском». Во все века нет примирения и согласия между враждующими полярностями, а нам достается от этого то ли беда, то ли отрада — «раздвоенность наших поступков и слов». Мы несем в себе противоборство разных сил, отчего все наши взлеты и падения, святые порывы и горькие разочарования. Щёлоков осознает, что космическая эпоха включила звезды в число действующих лиц истории, так же влияющих на нас, как цари земные, вожди и тираны.

О Русь! О тебе мои думы печальны.
И чувства тревожны. И песни горьки.
Добром и любовью мы всех привечали,
А нас с тобой чаще встречали в штыки.

Нас всегда наставляли: «Равняйся на этих и с теми дружи!» Но кого бы ты ни выбрал, к чему бы ни склонился, на чем бы ни утвердился, какая-то сила поднимает тебя и уно-

сит к противоположному берегу, как, например, Григория Мелехова от красных к белым и обратно. Дорого обходятся нам наши метания, наши поиски святых и правых. И на всех путях нас ожидают черные дни, горькие утраты, душевные муки. За что нам достается все это? «За что нас не любят ни там и ни там?» — пытается автора старец у храма. И сам дает ответ, указывая пальцем на небо: «За то, что Россия... оттуда дарована нам!» Кем же? Самим Богом или звездой Водолея? Десять раз появляется в тексте этой небольшой поэмы всесильная звезда, предопределяя судьбу страны, тревоги и боли поэта. Но что-то не очень заметно, чтобы была она благосклонна к нашей стране, как утверждали астрологи. Нет, по-прежнему одиноко человеческому сердцу между законами, культурами и нравами народов Востока и Запада.

И ты среди них словно входишь в костер...
И знак Водолея огнем первородным
Из бездны над Русью мятежно простерт.

Этот первородный огонь перегрел страну, и она разломилась пополам, начались раздоры и кровопролитие.

Шел сын на отца, а на брата шел брат.
И не было в мире страшнее раздора,
Эпохи чернее и горше утрат.

Звезда Водолея то смывает русскую память морской волной, то засыпает песком пустынь; она меняет эпохи, свержает мессий и снова зовет вождей на троны, она то велит «отыскивать истину в лозунгах звонких», то призывает братья за оружие. И все это раз за разом повторяется... Мы обречены на двоемирие и борьбу сторон, путь наш от забвения до прозрения, которое дается в слезах и муках, но только на небе, после смерти. Круг замкнулся: «Судьба ли такая? Звезда ли такая?» И, будто выписывая «знаки грядущего»

щей беды», кружит под облаком «проклятая птица». А круг — это символ вечности и повторения всего.

Восток на востоке. На западе Запад.
Не к часу смеяться. Не к месту заплакать.
Тем паче судить да рядить не умею!
Звездой Водолея болею, болею...

В поэме «Знак Водолея» И. Щёлоков нарисовал не просто картину России, а панораму, ее судьбу в пространстве и времени. Во многих стихотворениях мы видим ее на карте-двухверстке, в локальных подробностях человеческого существования. Конечно, со звездной высоты видна вся Земля, но холодно и неуютно на этой высоте. И Щёлоков пытается в следующей поэме «Сон-звезда» разглядеть с этой высоты дом и судьбу отдельного человека.

Неведомая, необоримая космическая сила вторгается тут в жизнь семьи, прерывая ее привычное течение согласно отцовским заветам и народным традициям. Отец построил для трех своих сыновей новый дом и, справляя новоселье, благословляет их на долгую, достойную и счастливую жизнь.

Не для себя я строил дом,
Не для супруги верной.
Пушай живут три сына в нем
По всем статьям примерно!
Чтоб был у них в достатке хлеб,
А под руками — дело,
Чтоб ум от жадности не слеп
И сердце не черствело...

Сюжет «Сон-звезды» выстраивается с оглядкой на русскую волшебную сказку, приправленную современными чрезмерностями, набором деталей из наших времен: громко проговариваются тосты, звенят набатом бокалы, отец представляет гостям трех своих сыновей:

Мой старший — Ленин по уму,
А средний — это Сталин,
А младший (хрен его пойму!)
Хрущевым, может, станет...

Подбор имен для сравнения исторически реален, но в то же время символический, он долго-предолго отзывается эхом в движении сюжета и в памяти народа, настораживает тем, что было при этих вождах.

Время действия в поэме — 60-е, оттепельные годы, когда отцы, «хмелея от работы», строили дома и созидали страну, которая «хотела в рай шагнуть... с гагаринским размахом». Во всех ее краях справляли новоселья, и вот когда часы пробили двенадцать и петухи «о том же известили», старший сын внезапно проснулся, весь в поту и дрожа от страха, напугав своим видом отца: «Ты весь почти сошел с лица, / Трясешься, как зайчонок!» На признание сына («Мне снился, папа, страшный сон») отец отделался шуткой: «Опять про Бабку Ежку? Ляг на другой бочок...». Нет, тут совсем другое.

Мне этот сон Господь послал,
Он в этом Сам признался.
Он говорил, что нас беда
Подстережет, и скоро;
Что есть на небе сон-звезда,
И где она — там горе...

Какое оно будет и кого первым настигнет, сын выложил все как по-написанному. Отцу это бесовское предсказание показалось бредом. Он стал как чумной, им овладела тоска. В гневе на сына он срубил березку, которую посадил в день его рождения, облил бензином и спалил. Огнем пожара высветило все беды, камнями падающие на Россию.

Везде, куда свой взор ни кинь,
Разор и запустенье.

Где же эта сон-звезда и скоро ли тот страшный сон «ко мне найдет дорогу», — пытается сына отец. Найдет, но пришла пора испытаний для сыновей, «семидесятих тленный дух» остудил их живые души, и вот бредут они по своей, по чужой ли земле, укрывшейся в синей дымке.

Ржавеет в поле чей-то плуг.
Мхом поросла запруда.
И дым Отечества в трубу
Летит, не согревая,
И нашу трудную судьбу
Всерьез не принимая.

По всем приметам видно: неминуемые утраты их ожидают. «Зачем тебе далекий путь? — спрашивает друг. — Зачем звезды высокой жжень?»

Но тот торжественно вскричал,
Не совладев с порывом:
— Меня Господь туда послал,
Я внял Его призыву.
Давно он заново хотел
Очистить нас от скверны,
И от греховных наших дел,
И от судьбы неверной,
Чтоб знать — теперь уж до конца:
Не будет противленья
Великим помыслам Творца
В грядущих поколениях.

Заметим, сюжет в этой поэме малособытийный, Щёлков движет его монологами героев, а поверху, вторым слоем, разворачивается авторская дума о судьбе России, о прельщении и соблазнах, о скорых, революционных решениях всех проблем, предельно затратных во всех отношениях.

Старшего сына ничто не привлекало, не радовало на зем-

ле: ни собачья преданность, ни соловьиное пение, ни запах хлеба, ни сама земля — «он жил мечтой о небе».

Во мне какой-то странный гул
Давно съедает душу.

Этот гул отвращает его от многоголосой жизни, даже от любви, ведь она зовет не вперед, а назад, к дому, а не в небо.

Любовь дороже ли? Звезда?
Два полюса, два женья,
А между ними ни следа
Взаимообщенья!

Что же способно удержать звездного юношу на земле? Сколько их уходило за мечтой, за идеей, по зову медной трубы! Кому захочется увязнуть в мелких заботах дома-огорода? А отец называет своего старшего сына дураком, потому что не к той цели он стремится.

Не сон-звезда ему нужна,
А, коль сказать по чести,
Наташка — верная жена
С детишками, чтоб вместе
Держать скотину, огород,
Иметь мясо, картошку, —
Глядишь, и жили б круглый год,
Не подбирая крошки...

Как же так получилось: умный был старший сын Сашок, но...

Вдруг какая-то звезда
Взяла в свой плен с пеленок!
На что тогда он, отчий дом?
Кому — земля родная?
Живут соседи вон кругом,
Забот-хлопот не зная...
Родился тут и тут сгодись.

Какие приземленные, какие бескрылые идеалы провозглашает отец! Ничего в них нет зовущего, коммунистического, а ведь «не та отныне Русь! Куда летит — неясно».

В разлуке со старшим сыном жизнь отца «потеряла прежний смысл, / Не подсказала новый» и оборвалась в цветущий майский день, в Великую субботу. А тем временем сын держал путь то ли на родину, то ли на чужбину со страхом в глазах.

Дошел ли, нет до сон-звезды?
Вкусил ли плод желанный?
И где оставлены следы
Неведомых скитаний?

За авторским вопросом, не получившим ответа, прозвучал такой же материнский. Ответ на него она знала заранее: каким он будет.

Ну что, сыскал ли сон-звезду?
Не прохмелел от воли?
— Я, мать, за нею все иду.
Ты думаешь, легко ли!
— Я, может, выжила умом,
Всего не понимаю,
Но ты вернулся в отчий дом,
А тут звезда какая!..

Вернулся — и ни о чем не спросил, даже мать не узнал. А тут такое происходило, что о всякой звезде позабудешь. Только она сама сюда пришла, пока он искал ее: отец погиб, дом, построенный им, сгорел — младшие братья спалили, жена Наташа умерла при родах, а их сын на пепелище «строит дом из углей-головешек». Какая страшная плата за его порывы к сон-звезде, за его «шалную голову»:

Черт знает что! Дома в золе,
Кругом полынь, осока,
А на своей ли он земле?
Не спутал ненароком?

Старуха роется в углях,
Не замечает гостя.
Пацан поодаль — нос в соплях,
Собака гложет кости.

Картины такие, будто прошла по земле великая война, все погубила, все порушила и сожгла, уничтожила дорогие приметы, а он лишился способности узнавания: даже мать за какую-то бабуся принял...

Как на духу скажи, бабусь:
Чье было тут жилище?
Зачем мальчишка строит дом
Из углей-головешек?
И где его отец и мать?
Спились, душою падши?
Хочу к себе его забрать —
Пусть будет братом младшим!

Чудесное в сказке преображает все, даже из пепла может возродиться птица Феникс. Коснувшись рукой щеки сына, мать в испуге отшатнулась:

Из глаз сыновьих свет сиял
Пространства голубого,
И в сини той их дом стоял —
Целехонький, как новый.

Содержание «Сон-звезды» не только в словах, какими оно изложено. «Сказка ложь, да в ней намек», — сказано великим поэтом. И здесь намеки, аллюзии, подтексты, нераскрытая символика от звезды до пепла, а за всем этим встает наша история, взлеты и поражения в XX веке, уроки на будущее. Здесь одно содержание (сюжет с домом и звездой) становится формой для другого, главного содержания...

Чудесное обретение отчего дома на пепелище старого, узнавание и породнение с матерью и сыном можно посчи-

тать наградой за все муки и потери в звездном скитании, которое оказалось пустым, безрезультатным. Был ли там, что там видел, что там делал старший брат? Нашел ли он там что искал? Нет, это открылось ему на земле, на пепелище отцовского дома, из которого он так неудержимо рвался к сон-звезде. Именно тут «шквал яростного света» пронзил быль и небыль его существования. Может, это пришло отрезвление и прозрение от горького дыма Отечества? По всему видно, что финал поэмы открытый и ответы на всякие вопросы могут быть разными (кстати, Щёлоков не любит закруглять финалы даже в лирических стихотворениях). И все же, пора, пора возвращаться к самому себе, к родной земле, к делу жизни, к отцовскому наследству. Как много тут забот и тревог и срочных дел, в которых обретишь, наконец, подлинную звезду. В драме поиска сон-звезды есть своя социально-историческая основа — судьба русской деревни в беспощадном шествии прогресса, в изломах и преобразованиях, с которыми прошли по стране войны, революции, коллективизация и т.д.

Поэма «Красный пояс», написанная Щёлоковым в самом конце 90-х, снабжена поясняющим подзаголовком: «Лирико-публицистическое повествование». В ней нет никаких звезд, никаких таинственных космических сил, пленяющих сознание, ни сказочного волшебства, ни извечного противостояния Запада и Востока. В механизме сюжета поэмы — прозрачная метафора, представляющая Россию красным поездом, несущим по Среднерусской равнине целую эпоху, а в одном из вагонов, в тамбуре, пристроился пассажиром автор-наблюдатель.

От чего так сердцу плохо?
Не маршрут, а сущий ад.
За окном стоит эпоха,
Оголив костлявый зад.

Неприглядная, в стиле 90-х, картина. Еще хлеще лепят ей оценки выпивохи-соглядатаи, увидев в ней блудливую особу. Таким же видится им и целый край, по которому мчится красный поезд:

Хочешь выжить — телевизор
В доме лучше не включай.

А дальше по дороге — красный пояс (так либералы прозвали некоторые области Черноземья), за ним вся страна, Россия-страдалица.

Целый век красна от крови!
Целый век бела тщетой!
От родительского крова
Веет синей пустотой.

Чуткое ухо уловит и тут противостояние полюсов, но уже внутрироссийское: красного и белого, коммунистического и либерального. Номинантная фактура «Красного пояса» вполне современная, позднесоветская: СМИ, сенсация, блиц-опросы, олигархи, ГУЛАГ, СМЕРШ, штрафбат, целина, Усть-Илим и др. Уже по этому набору ходовых, знаковых слов видно, куда клонит автор. Прощаясь с веком уходящим, красным, Щёлоков уклоняется от поминальных славословий, называет многое из того, что глубоко и с болью залегло в памяти людей. А красный поезд мчится «в новый век и мир», поэтому надо присмотреться к новым далям. Уже то, что поезд «скорый», настораживает пассажира: ведь «рельсы звонкие красны».

Дед глядит нам всем с укором
И с надеждою — малец:
Уж не слишком ли он скорый,
Уж не шустрый ли, стервец?!

Перед этим поездом, рвущимся из красного пояса в неизвестность, хочется опустить семафор (он так напоминает поезд Твардовского, выносящий Теркина с того света, или поезд Рубцова, который подхватил и понес его, «как леший»). Но автор надеется, что он донесет до внуков, каким был наш двадцатый красный век: заманчивым и страшным, распахнутым и давящим.

Был наш век двадцатый разным,
Был кровав и был дурен,
Разным был, но не напрасным
В череде иных времен!

Что бы ни было на красном пути, на «вековой магистрали», он не прервется, не изменит предназначенному направлению, а поэт тверже в мыслях и настроениях, увереннее расставляет вехи, предостерегающие от беды.

Бог тебя от революций
Пусть, Россия, сбережет!
Прирастешь ли ты Сибирью,
Черноземьем, Колымой —
Все не важно! Жить бы в мире
И в согласии с собой...

Годы гласности и плюрализма, отмена идеологии, шаткость в политике так возбудили общественное сознание, что человек стал терять уверенность в себе, в правильности курса страны, принимать неверные решения. Мелкотемье, чернуха и порнуха, сдача высот захватили и литературу. Прозревая дали российского пути, Щёлоков выбирает свою тропу.

Жить трезвее, быть бы проще —
Не болела б голова!
Не делили б даль отчизны
На цветные пояса!

Россия у нас одна. Исторические периоды, эпохи, десятилетия, оттепели или похолодания заканчиваются, пишет И. Щёлоков в предисловии к своей книге «Долгое эхо» (2001 г.), «а жизнь — она продолжается. И не только от тысячелетия к тысячелетию. И не только от века к веку. Но и от души к душе. От сердца к сердцу». Сказано просто, но это важно и необходимо нам сегодня и завтра.

В наступающем XXI веке поэт нащупал «молодой, сильный пульс», способность благотворно повлиять на мир и человека: «Не знаю, кто как, а я верю: в XXI веке человек обязательно станет более ответственным и порядочным, умным и добрым, терпимым и сдобольным». Его «лирико-публицистическое повествование» заметно приблизилось к земле-матушке, к главным, опорным ценностям человека. На вопрос «С кем вы, мастера культуры?» И. Щёлоков ответил бы: «С Россией!» И с русской, а не западной душой, — добавим мы, исходя из его книг. И красный пояс не чужой — мы его прошли.

Очередная поэма И. Щёлокова удивила многих необычным, несколько вызывающим названием: «Роман без знака препинанья. История одного замысла в стихах и дневниковых записях провинциального чиновника». Это уже прямое, смелое приближение к событиям и голосам злободневности — погружение в процесс выборов губернатора области. Заинтересованные в результатах избиратели знают, какой переполох они вызывают, как долго и трудно им придется стоять на ушах. И. Щёлокова занимают не бюллетени с плюсами или минусами (часто они известны заранее), а пульс человека, опускающего листок в урну.

Главный герой и одновременно автор поэмы — чиновник областной администрации, служба для него «любого творчества важней», а уйти на «вольных хлеба» он не рис-

кует: дом, жена, дети. Но надежда на это прозвучала в первых же строчках потаенного труда:

Когда-нибудь свободным стану
От суеты и должностей.

Он действует в чрезвычайной, авральной обстановке выборной кампании, «в силках инструкций должностных», а для работы над стихами остается только ночь, когда домашние улягутся спать. У него «в дни всеобщей кабинетной истерии свое. С прошлого четверга две строчки покоя не дают», но «не скажешь ведь начальству: пошли вы, у меня творческий подъем!» Какое-то раздвоение, «где ты во всем — наполовину: / В любви, в карьере и в мечтах...» Но вот беда: «Привык я тут!» Так привык, будто прилип, будто поражен куриной слепотой.

Но как тут выглядеть нормальным
И адекватным быть, когда
Живешь в эпохе аномальной...

Два трагических события омрачили начало избирательной кампании: гибель атомной подводной лодки «Курск» и смерть большого русского поэта Анатолия Жигулина, певца ГУЛАГа и «Черных камней». Они не могли не повлиять на мироощущение И. Щёлокова. Несмотря на историческую основу событий и прозрачный автобиографизм его романа-поэмы, это не документ, не служебный отчет о завершенном процессе, а художественное произведение, то есть образ этого события, не лишенный вымысла, отбора, обобщения, символ чего-то большего, встающего за этим событием.

Выборы здесь не просто узаконенная процедура, а проблема выбора, возникающая перед каждым из нас и перед страной, но не всякий его делает. Точно так же автор и ге-

рой в одном лице, обозначенный прозрачно инициалами И. и Щ., не только реальный поэт и чиновник Иван Щёлков, но и двоящийся образ нашего современника, персонаж, выполняющий свои функции в структуре художественного произведения. Реальному, биографическому Щёлкову нельзя приписать всего, что несет в себе его образное воплощение.

Наверно, пора бы высказаться о названии произведения. Оно названо интригующее и загадочно: «Роман без знака препинания». Но без какого? И в каком месте, чтобы не подвести под смерть, как в известном «Казнить нельзя помиловать». Скорее всего, речь идет о точке в конце романа как сигнале его завершения или как об удовлетворении автора его финалом и результатом выборов. Но роман не один раз заканчивался, а точка...

Опять вымарывал я точку...
Я и теперь ее сотру!

Но всякое дело требует завершения. Точка — это итог, знак качества, верный диагноз событию, дню или веку. Однако «слаб и жалок человек», имеет ли он право на окончательную оценку?

Пушай потомки ставят точку,
Коль сыщут днем ее с огнем!
Беру в основу многоточье...
Хороший знак! В нем — всё.

Можно представить себе, какая борьба шла у Щёлокова с самим собой над страницами этого производственного романа, над его финалом и названием. Кстати, оно подсказано таинственной героиней телефонного романа, прервавшегося, не дойдя до встречи с автором, с окончанием выборов.

Роман без знака препинанья —
Не лучший, может, вариант,
Зато готовое название
И повод выпить за талант.

Возникла другая проблема, решение которой зависело от жанровых и речевых предпочтений автора. Если в замысле вырисовывалась поэма (а она редко случается в прозе), то естественно остановиться на лирическом герое, близком автору. Если же это роман (он чаще всего реализуется в прозе), то в центре внимания должен быть объективированный лиро-эпический герой, а жанр синтетический, принимающий формы то стиха, то прозы, то поэмы, то романа. К этому решению Щёлоков пришел в шестой главе за чтением отрывков своего детища знакомому писателю Б., которому форма понравилась. «Кажется, и главные герои, наконец, обрисовались. В их числе, конечно же, наш непотопляемый отечественный чиновник. Сколько их, Его Величества Государства подданных, по всей великой матушке России! И у каждого своя стезя...» (Говорят, их теперь в два раза больше, чем в бывшем Советском Союзе). Кто только ни сочувствовал, ни плакал, ни издевался над этим многочисленным племенем, неостановимо работающим колесом в государственном механизме. И. Щёлоков доподлинно, словно членов своей большой семьи, знает это сословие (сам в нем варился). У него убедителен не только коллективный портрет областного чиновничества, но и каждый в отдельности. Обозначенный лишь одной первой буквой фамилии, каждый чиновник виден во весь рост, со своим характером, позицией, лавированием, хитроватостью и т. п. Щёлоков их, да и себя как чиновника не жалует: приспособленчество, подсиживание, нашептывание на ухо начальнику, вранье, «заложить ближнего — святое дело» и т. д. «Ты, конечно, тоже чиновник, — продолжает раскрывать-

ся главный герой, — но не такой, у тебя вон и книжки выходят... Ты внутренне рвешься за этот круг. Рвешься! Но как бы понарошку». Потому что сил не хватит. И окружение не позволит... И обстоятельства вынудят.

Привык я тут! Среди интрижек,
В кругу зевак, дельцов, льстецов
Я сам себя частенько вижу
Таким же точно...

Но ведь тошно быть таким же, когда можно быть другим. Каким же? Жить раскованно, не быть фараоном, любить многое, без страха водить пером «на службе собственной строки». Но перестроечный пыл и хмель пошли на дно, как подлодка «Курск». Может, зря он затеял свой роман? Больно слышать горькие, оправдательные строки, по сути своей пораженческие, которые уже не раз звучали в русской литературе.

Зачем мне это? Разве мало
Оклада, чтоб спокойно жить,
В своих кругах хорошим малым,
Как все былые годы, слыть?
И, может, хватит приключений,
Их нынче столько за спиной,
Что из иных таких сражений
Я выходил едва живой?!

Хуже всего, когда от тебя, несправедливо побитого и униженного, при встрече спешат «шмыгнуть за дверь любую», обливают сплетнями. Не лучше, когда в руках начальства ты лишь средство, снаряд для достижения его корыстных целей. А ведь у тебя были ценные идеи и предложения, но они, невоплощенные, терялись в папках начальников. Порой и чиновничья душа, доведенная до отчаяния, срывается на крик: «Должны же мы хоть однажды быть поря-

дочными по отношению друг к другу? К себе? К своей работе. Ко времени, в котором живем...»

Но вот как пошел роман, где автор показал чиновничью «преисподнюю», так сразу почувствовал «к будням вкус», в нем «хрустальной музыкой ручья» зазвучала Россия, он готов признаться, что:

Не ставил цели
Чернить, порочить, клеветать.
Кто я такой на самом деле,
Чтобы судить и поучать?

Поклонись, сникни, гордая голова! Один в поле не воин, одним глазом всего не увидишь. Щёлоков понимает, знает, принимает отходчивую душу русского человека.

Привык я жить со всеми в мире,
Не быть глупей, не быть умней.
В моем чиновничьем мундире
Удобней так мне и честней...

Не умничай, не забегай впереди начальства, все равно остановят. Еще Миклухо-Маклай говорил, что если в России чья-то голова поднимется выше головы, выше царского скипетра, ее быстро срежут. Вот и выходит все по-черномырдински: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Не пора ли нам задуматься над главным философским вопросом: «Зачем мы здесь и кто мы тут?»

В стихотворениях и поэмах И. Щёлокова этот вопрос, словно колокольный звон, с каким-то настойчивым постоянством гудит над нами, будто перед входом в храм на исповедь. В разных вариантах, но с одинаковой требовательностью обращен он ко всем нам и к каждому из нас.

Команда действующего губернатора проиграла вместе с ним на выборах. Почему? Может быть, все это к лучшему? Или наоборот? О многом думали, но меньше всего о себе.

Поэт помогает нам заглянуть в себя и честно ответить, хотя бы мысленно, на его вопросы: «Кто мы? Где мы? В какой такой стране?»; «Зачем мы здесь и кто мы тут?»; «Так ли мы живем?»; «В этом времени кто я — зовущий, поющий / Или просто бредущий дорогой своей?»; «Важно мне: кто я такой?»; «И сам давно как будто клон я, / Где настоящий — не пойму»; «Теперь я ник в глобальной Сети, / Мне никогда не стать собой»; «Зачем, куда и с кем плывем?»; «Кто мы есть на самом деле / В уходящем этом дне?»; «Неужели опять отрядимся в заложники зла?»; «Для чего я живу, существую — январь не ответит!»; «Каков мой век — таков и я»; «Не лучше ль жить легко и просто, / Без трудной доли мудреца?»; «Виновато ли время в моих превращениях?»; «Может, зря жил надеждой и верой / И любовью зря сердце томил?»; «А готов ли ты жить для людей, не чураясь труда?»; «Куда теперь и для чего все это было?»; «Время мое искалеченное, — / Стоит ли дальше жить?»

Легко увидеть: Иван Щёлоков — поэт вопросов и редких ответов. В 90-е годы и около эти ответы без перспективы, зачастую мрачные, доходящие до крайности. Иного и быть не могло — страна болела отчаянием, и Щёлоков, как сейсмограф, улавливал настроения людей: «За спиной эпоха мрачная, / Перед взором — тень безвременья», «Наш век не выдан нам на вырост, / И для меня нет места в нем», «Выхожу из игры, это даже труднее, чем выйти из боя...», «Горькое время распада», «Высоки у безвременья ставки», «Уходящий день — день утраты» и т.п.

С середины десятих годов крепнет уверенность: «Еще не поздно все переиначить, / Переиграть нескладную судьбу»; «Минет все. За птичьим клином / Даль прозрачней, жизнь видней»; «Чтоб понять, зачем мы ныне, / Вознесись, поэт, на час!»; «Я и сам хочу все понять и узнать ответ».

Переживания лирического героя все заметнее переходят на более высокий уровень самоопределения в историческом и актуальном времени, он тверже стоит на зыбкой поверхности и знает, *что* делать в чрезвычайных обстоятельствах. С иной высоты смотрит он на дела и заботы, на будни и праздники жизни, на себя самого, на свою поэзию. Он не только свидетель происходящего, но и равнодушный участник в делах людей: «Я — пока что мужик настоящий. Я умею подставить плечо! Я умею любить горячо!»; «Ты силен и отважен, / Ты не любишь без боя сдаваться».

Ты живешь для людей!
И другая судьба не нужна.
В этом — истинный путь на Руси
Для любого мужчины!

Слова его порой звучат как клятва, и она, поверьте, будет исполнена: «Поэты, подобно десанту, / Своих не оставляют высот...»

В поэтических книгах И. Щёлокова 2010–2020-х годов, в газетных и журнальных подборках этих же лет — о России, о Донбассе, о Воронеже — «городе на лучах зари», о нынешнем «быстробежном времени» — все чаще выходит из-за туч солнце, крепнет уверенность в том, что

Обретет
Душа в скитаньях мглистых
Свой ясный путь вперед.

Щёлоков ведет затяжной спор с разладом и распадом, поразившими страну, с демобилизующими настроениями, ими порожденными. Пораженчество — это уступка злу, а вина за него лежит на совести поэта. Его девиз — держаться до последнего, «когда и смерть — за жизнь»; его завет: «Не на всхлип надо жить — на вскрик!» Все чаще он обра-

щается с молитвой к небу, к Богу, к тому абсолютному, что не позволит сбиться с праведного пути и отведет от греха. И он знает, как должен ответить на Божье участие.

Пока душа чиста,
Пока тревожит стыд,
Не обесчесть креста,
Не накопи обид.

Так произошло, так случилось, что «мы все осколками Союза разбросаны в своей стране». Пришла пора вновь собираться в большую семью, в единый народ, в нерушимое государство. Сужденный нам божественный путь от «я» к «мы», а не наоборот, как переиначили в 90-е. «Без меня народ неполный», — сказано у Платонова. В стихотворении о родном Воронеже Щёлоков признает: «Я его не худший житель, / Без меня ему нельзя!» «Для себя я жить не могу» — таков уж русский человек. «Мне от совести не скрыться, / Оправданий не найти», — так обычно говорят еще до людского суда. Из всех путей на земле выбирается самый созвучный сердцу: «В конце концов, любовью путь означен, / Христовым благовестным языком». И главное на этом пути: «Сохранить бы святое искусство — быть собой среди удач и невзгод». Как здорово, что кому-то это удастся! «Живу, как жил, любовью, / Надеждой, а не мезтью...»

Поэма «Ячменка» возвращает нас в тот самый мир, в колхоз, из которого мы, как из Советского Союза, послушно вышли. Но это возвращение не для того, чтобы намазать дегтем его ворота, будто там жили какие-то шариковатые совки, а не наши матери и бабушки, отцы и деды. А для того, чтобы поклониться их могилам, вспомнить родных и близких, их общую крестьянскую жизнь, в которую они когда-то так трудно, с такими сомнениями и боязнью входили, а теперь с такой грустью вспоминают, как все было,

как там жизнь прошла. Поэзия не может отвернуться от всего, что накопилось в памяти народной.

К крестам взывает совесть.
В душе — разлад, борьба.
И что ни надпись — повесть!
Ни человек — судьба!

Идею народности В. Белинский считал альфой и омегой русской литературы. Этой идеей пронизана и поэма «Ячменка», так скромно, так прозаически названная, с бытовым домашним сюжетом. За ним далеко ходить не надо, он объявлен уже в подзаголовке: «Воспоминание о необычной поездке студента со своим односельчанином за соломой на Ближнее болото и обратно». Но с первых же строк автор круто берет вверх, к важнейшим вопросам и смыслам нашего бытия, стремясь понять, «кто мы, где мы? В какой такой стране?» Значит, что-то утрачено, если нечем ответить на эти вопросы, если ты не тот и не там, кем и где хотел бы быть. А.Н. Радищев более двух столетий назад уверенно отвечал на подобные вопросы:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век.
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

Герой «Ячменки» живет в городе, а на Пасху каждый год едет в деревню «поклониться крестам за весь наш род».

Там соберется люду
На кладбище полно...
И я там тоже буду
Со всеми заодно.

Это объединительное, постоянно звучащее «заодно» решительно противостоит обособленности, индивидуализму, разобщенности. В деревне «каждый всем знаком», «новостями идет обмен про все», помочь пришел «весь колхоз

почти», даже рассвет приходит к людям, «чтоб быть со всеми вместе в веселье и беде», а если кто-то совершил проступок, «потом не помянут», простят. На зоркий глаз, не все так благостно в народе, но на иных основах он не сложится и не спасется. Искусство тоже может быть только «там, где ходят вместе страна, и песня, и народ», — говорил отец поэта.

«Ячменка» — самая земная, самая задушевная поэма Щёлокова, в ней память о том деревенском мире, из которого он вышел с окончанием сельской школы. Сколько воды утекло, сколько изменилось всего на земле! Страна изменила свое название, вывесила другой флаг над Кремлем, смыло какой-то волной колхозы, стало не слышно песен в поле, поредели дома на деревенской улице, больше крестов и памятников завиднелось на тихих погостах, и родительских тоже. В замечательной статье «Два берега, две веры» Щёлоков сообщает важную для творческой истории «Ячменки» подробность: «Однажды, в 1977 году, в конце августа, будучи на студенческих каникулах, я ездил за ячменкой с Ворожеем к Ближнему болоту: мать собиралась заколоть поросенка, для паления нужна была солома помягче».

Поэма проникнута народным духом, уважением к традициям, симпатией к коллективному бытию людей, выживающих на родной матушке земле. В ней ярче и богаче речевая стихия, изобразительнее картины природы, доверчивее к людям автор. Вот небольшая зарисовка по пути:

Росток зеленой жилкой
На солнце от тепла
Сквозь стебли лезет к жизни
Проворней, чем игла...

Щёлоков умеет нарисовать, как частная подробность становится моментом бытия, а минутный эпизод вливается в

большое, вечное время: воз нагружен соломой, конь послушно везет его прямо на заходящее солнце, кажется, он вот-вот нырнет вместе с возом в закат, куда мы все, в конце концов, уходим — в вечность.

Там дни за днями в годы,
Теснясь, наверняка
Вливаются, как воды,
В могучие века.
А те потом в эпохи,
И — сплошь поток времен...

В этом потоке найдется место всем.

В закат, закат, туда же,
На пересыльный пункт,
Возами все однажды
Нырнем — не извлекут!

И будто вся природа настраивается на эту прощальную мелодию, зазвучавшую в душе автора, а редкая птица чибис (теперь ее редко увидишь в поле) словно оплакивает своими криками всех уходящих в закат. Она и учтива к ним, и жалеет их, и хочет узнать, чьи они, куда идут в поздний час. Кто хоть однажды услышал это чибисово рыдание над полем, тот никогда его не забудет, словно крик матери, потерявшей ребенка...

И вот привезен воз соломы, набежали помощники — «весь колхоз почти», сложили стожок, на столе тут же традиционная самогонка, гулянка, разговоры о будущей печенке, за которую надо уже сейчас выпить, шутки, подковырки, песни... Без драки тоже не обошлось. Кто-то до дома дошел, кто-то в стожке заснул. Дело привычное, как говаривал Иван Африканович, герой Василия Белова. А итог всему этому обряду подвел могучий рассвет, пришедший к людям,

Чтоб быть со всеми вместе
В веселье и беде.
.....
А по-другому разве
Случается когда?

Это не просто слова — в них закон народной жизни, спасающий от небытия...

Чуткий к разнообразной красоте природы и жизни вообще, Щёлоков не отворачивается от сермяжной прозы крестьянского двора и хозяйства, в родительских хлопотах о соломе, о поросенке и буренке он видит не собственнические инстинкты, а стремление справиться с нуждой и бедностью, да и просто выжить. Любопытен в этом отношении Терентий Ворожей, «буян и выпивоха», «задиристый петух», а сам «мужик тщедушный», росточком с картуз, зато в нем не сосчитать способностей и талантов: зубоскал, острослов, колдун, лечит от всех болезней колодезной водой, даже от бесплодия вылечил жену начальника райотдела милиции. Что ж, нужда заставит.

Живем, чем Бог пошлет:
Кто тащит, кто потери
Колхозные гребет...
А у меня кровинок
Мал-мала целых шесть.
Поди-ка, прокорми их,
Чтоб было пить и есть!..

Ворожей — главный смыслонесущий персонаж поэмы, близкий по сути сказочному герою Ивану-дураку. В ней 16 главок, вступление и заключение, и он появляется почти во всех ее частях. В прологе, читая надписи на крестах, где каждая — повесть и судьба, автор особо выделяет одну из них:

Не думая о смерти,
Прочту — всех слов живей —

На мраморе: «...Терентий...»,
В народе — Ворожей.

В эпилоге («с тех пор прошло лет тридцать») автор снова среди могил и крестов, где гости пьют по глотку за мертвых.

Я за Терёху тоже
Стаканчик подниму...

Как ему там, легче в чужой стороне?

Не знаю, как тебе там,
А нам — кричи: атас!

Каждый день загул и похмелье, льют отраву в души, а на смену Ворожею пришли такие лихие колдуны, которые не лечат, а «Дурят народ в три смены, / Не чувствуя вины. / Городят, как в Содоме...» И за соломой сообща не ездят, и самогон не пьют, и поросят из-за бугра везут...

Это не только плач по Ворожею, но и прощание с эпохой, утратившей смыслы и обычаи народного общежития, дошедшей до опустошения души. Надо рождаться, надо начинать заново. Набираться ума и опыта. Любить и верить. Одолевать черные полосы. Трудиться и жить «со всеми вместе».

Скажу тебе, Терёха,
Без всякого вранья:
Тут — не твоя эпоха,
И даже — не моя!

Поэмы И. Щёлокова помогут понять себя, выбрать верную дорогу. Свою страну, свою эпоху еще предстоит зарабатывать...

Виктор АКАТКИН,
доктор филологических наук.

ЗНАК ВОДОЛЕЯ





По утверждению астрологов, Россия расположена под зодиакальным знаком Водолея, что сулит ей особую благосклонность звёзд в грядущем XXI веке. Хочется верить предсказаниям, но пока сердце переполняют совсем не радостные чувства.

1

Две жизни во мне, две судьбины,
Два вспененных гребня великой пучины.
По левую руку — раскосый Восток,
По правую — Запад... И ты посредине —
Проросший на русской земле колосок.

Два рая во мне и два ада
Мянутся и ищут покоя и лада
Не год, не столетье, а десять веков.
И нет им согласия! Беда иль отрада —
Раздвоенность наших поступков и слов?

Два неба во мне, два истока.
От Запада — первый, второй — от Востока.
Равняйся на этих и с теми дружи!
Но сердцу, как встарь, моему одиноко
На этом огромном разъеме межи.



Два счастья во мне, две невзгоды —
Историй и нравов, культур и народов.
И ты среди них — как взошёл на костёр...
И знак Водолея огнём первородным
Из бездны над Русью мятежно простёрт.

2

Не слава сгубила, не бес нас попутал,
Не полная чаша хмельного вина.
И шаг — до затмения на всех перепутьях,
И два — до прозренья... Пройди их, страна!

Себя не пойму, а других и подавно!
Душа не скривится, язык не соврёт.
Мне заново слышится плач Ярославны
Под сводами древних церковных ворот.

Мне видятся стрелы татарского лука,
Мечи крестоносцев, кресты лжецарей...
Звезда Водолея — российская мука
И счастье в неведомой доле моей.

Звезда Водолея — любовь и раздоры.
Шёл сын на отца, а на брата шёл брат.
И не было в мире страшнее позора,
Эпохи чернее и горше утрат.



Взыграла ли кровь от восточного буйства?
От западной спеси ли вспенился ум?
Звезда Водолея — над памятью русской
Балтийской волной и песком Каракум...

3

Присяду в пути у степного колодца,
Попью родниковой целебной воды.
Зачем эта птица под облаком вьётся:
Круг на круг — как знаки грядущей беды.

Кого повстречаю в безлюдном просторе?
Какие услышу вокруг голоса?
Лучами закат вышивает узоры,
Слепит позолотой червонной глаза.

Как сердцу тревожно, темно и мятежно!
Проклятая птица, за облаком сгинь!
Не вся потерялась в блужданиях надежда,
Не вся исклублилась небесная синь.

И снова две дали во мне, две дороги.
И обе угрюмы, чужды и убоги.
А третий когда ещё сыщется путь?!
Дай Бог, уцелели бы руки и ноги,
Чтоб к новому в жажде колодцу прильнуть.



4

Однажды у храма спросил меня старец:
«За что нас не любят ни там и ни там?..
За то, что Россия, — вознёс к небу палец
И молвил, — оттуда дарована нам».

А может, тот старец совсем не рехнутый,
Раз слово его беспокоит теперь?
Эпох поважнее бывают минуты
Прозренья у входа в церковную дверь.

И с Западом в битвах, и в битвах с Востоком
Что поняли мы в первородстве своём?..
Звезда Водолея сияет высоко
Над нашим быльём чуть приметным огнём.

5

Я этот и тот. Разгадать меня сложно.
Скорее бы выйти из душного дня.
Клубятся следы над безмолвьем дорожным,
В неясную даль увлекая меня.

О, Русь! О тебе мои думы печальны,
И чувства тревожны, и песни горьки.
Добром и любовью мы всех привечали,
А нас с тобой часто встречали в штыки.



Судьба ли такая? Звезда ли такая?
Крутых поворотов озноб и ушиб.
И пьяный сосед изрекает, икая,
Про сущность загадочной русской души.

И плачет вдова под иконою в хате
О том, что не в силах свой дом починить.
И чей-то малыш упражняется в мате,
Едва научившись слова говорить.

Судьба ли такая — как тень без просвета?
Звезда ли такая — без блеска и грёз?
Летят мои думы в две стороны света
От вольных степей и кудрявых берёз.

Летят мои думы — кочевники-птицы.
И кто их окликнет? Кому дороги?
Нисходит наш век. Полыхают зарницы
На всперьянных стрелах болотной куги.

6

Как мало, как мало отпущено жизнью
Мгновений для счастья, минут для забав!
И новых вождей призывает Отчизна,
Былым по заслугам донельзя воздав.

Возможно, и я, отодвинув в сторонку
Перо и бумагу, на площадь пойду



Отыскивать истину в лозунгах звонких,
Теряя себя в митинговом чаду,

Чтоб после, остыв от площадного буйства,
Пить, пить с первым встречным хмельное вино,
Поведав ему за стаканом про чувства,
Которые душу терзают давно...

Доколе две жизни во мне будут биться?
И снова меж ними — глухая война...
Звезда Водолея — родная сестрица,
Зачем нам однажды ты Небом дана?

7

Две песни во мне, два мотива.
Два лунных отлива, два лунных прилива.
И жгуча — одна! — в огороде крапива.
Коснусь ненароком — забродит, что пиво,
Заходится кровь от бровей до ногтей,
И спасу ей нету, и сладу нет ей!
Такая и Русь — от горячих кровей!

.....

Восток — на востоке. На западе — Запад.
Не к часу смеяться, не к месту заплакать.
Тем паче судить да рядить не умею.
Звездой Водолея болею, болею...

1991

СОН-ЗВЕЗДА

Поэма-аллегория





1

Давным-давно в одном селе,
Справляя новоселье,
Гостям отец навеселе
Сказал среди веселья:
— Хочу я пить за сыновей.
Светлее нет причастья.
И сколько капель в чаше сей,
Дай Бог им столько счастья!
Не для себя я строил дом,
Не для супруги верной.
Пускай живут три сына в нём
По всем статьям примерно!
Чтоб был у них в достатке хлеб,
А под руками — дело,
Чтоб ум от жадности не слеп
И сердце не черствело...
Гостей вспорхнули голоса:
— Сомкнём за тост бокалы!
И звон ушёл под небеса.
И душам легче стало.



За тостом новый тост звучал —
От родича, от свата.
И оглашался звоном зал
Стеклянного набата.
Хозяйка-мать среди гостей
Ходила важной павой.
И было так приятно ей
За этот вечер славный.
Отец, порядком захмелев,
Доказывал соседу,
Что для людей важней, чем хлеб,
Душевная беседа.
А тот в согласии кивал
И тряс его за плечи
И в банку с килькою макал
Огрызок огуречный.
И все долдонил:
— Гриш, а Гриш!
Скажу тебе, ей-богу,
Сынов хороших ты растишь,
Да и себе подмогу.
— Мой старший — Ленин по уму,
А средний — это Сталин,
А младший (хрен его пойму!)
Хрущёвым, может, станет...



О, ты, наивная пора
Годов шестидесятых,
Когда под стуки топора
И звяканье лопаты
Входили страстно в мир отцы,
Хмелея от работы.
И хат бревенчатых венцы
Ложились в сруб добротнo —
За рядом ряд, как на парад...
Глядишь — восторгу тесно.
И что ни дом, то свой наряд,
Своя мечта и песня.
Резьбы причудливая вязь,
Коньков небесных резвость...
Откуда выдумка бралась
И созиданья трезвость!
Как будто не было войны —
Кровавого похмелья.
Во всех концах большой страны
Справляли новоселья.
Заслуга в том или вина
Была: единым махом
Хотела в рай шагнуть страна
С гагаринским размахом.



Стук от Никитиной туфли
В нью-йоркской штаб-квартире,
Как пропуск, гордо мы несли
По всем дорогам мира.

3

Часы уже двенадцать раз
Торжественно пробили.
И петухи с насестов нас
О том же известили.
В тот миг хозяйский старший сын
Испуганный проснулся.
И от гульбы отец остыл,
Как в прорубь окунулся.
Узрел в мальчиночьих глазах
Чужую бездну страха.
— Сынок! — спросил. — Откуда страх?
Глянь, как мокра рубаха,
И лоб — точь-в-точь у мертвеца...
Ах, глупенький ребёнок,
Ты весь почти сошёл с лица,
Трясёшься, как зайчонок...
— Мне снился, папа, страшный сон...
— Опять про Бабку Ёжку?
Ляг на другой бочок, и он
Ускачет по дорожке.



— Да нет! — воскликнул мальчуган
И взросло рассмеялся. —
Мне этот сон Господь послал,
Он в этом Сам признался.
Он говорил, что нас беда
Подстережёт, и скоро;
Что есть на небе сон-звезда,
И где она — там горе;
Что путь её проложен к нам;
И в день, когда цветенье
Закружит пышно по садам,
Сойдёт её явление.
Вначале светом и теплом
Наполнится жилище,
А после тьма наполнит дом,
Нас кинув в пепелище.
Никто не в силах отвернуть
Ход этих дней бесовских.
И самым кратким будет путь
Из всех путей — отцовский...
— Мария! — гаркнул муж чумной,
И звякнула посуда. —
Глянь, что за бред несёт старшой?!
Что у него? Простуда?
Ты веселись, а сыновей
Не оставляй без глазу.



Такое слышать от детей —
Умом рехнёшься сразу.
Хозяин лбом к окну прилип:
Светили в небе звёзды.
Ночь донесла до слуха скрип,
Чуть слышный от берёзы.
В хмельную грудь вошли тоска
И горечь новоселья.
Берёзу эту в честь Сашка
Сажал он в день рожденья.
Сверкнул отточенный топор,
И жало отразило
Берёзы ствол, что пал во двор
И вспыхнул от бензина.

4

Веди, нескладница-судьба!
Нет горше отрезвленья!
Нам что ни день — борьба, борьба
И позднее прозренье.
Нам что ни час — урок, укор,
Раскаянье, смятенье,
Всегда за поясом топор,
За пазухой — каменья.
Нам что ни миг —
и в бровь, и в глаз
Потомков злое слово,



Или правителя указ
Страшнее, чем оковы...
А по обочинам полынь
Жирует от забвенья.
Везде, куда свой взор ни кинь,
Разор и запустенье.
По руку правую — горчит,
По левую — тревожит.
А то, о чём душа кричит,
Наш ум принять не может.
По руку правую — беда,
По левую — обида...

— Сынок, а где же сон-звезда?
Уж вырос ты — не видно!
Я стал и мнителен, и зол,
Я мучусь, я страдаю,
Ночами в небо тайный взор
С испугом устремляю.
Признайся, был ли этот сон?
Не упрекну, ей-богу!
Хочу я знать, как скоро он
Ко мне найдёт дорогу.
— Когда закат поборет день,
А тьму прогонит солнце;
Когда берёзы мёртвой тень
Слегка окна коснётся



И шорох веток оживит
Минувших лет усладу;
Когда душа в огне сгорит
И не оставит смрада;
Когда последний сердца стук
Пробьёт грудную клетку
И унесёт печали звук,
Как той берёзы ветку, —
Тогда, отец, узрит твой взгляд
Всё то, чем столько болен...
Сказать бы большее я рад,
Да сам не знаю боле.
И сын добавил:
— Мой черёд! —
И помолился Богу...
Растай, разлуки горький лёд!
Душа, уйми тревогу!

5

Бредут по свету сыновья.
Глядит им вслед Россия.
Своя, чужая ли земля
Укрылась в дымке синей?
Семидесятых тленный дух.
Живой души остуда.



Ржавеет в поле чей-то плуг.
Мхом поросла запруда.
И дым Отечества в трубу
Летит, не согревая
И нашу трудную судьбу
Всерьёз не принимая.
Неужто только свет звезды
В расщелину из тучи
Способен высветить следы
Утраты неминучей?
Неужто только в детском сне,
В святой слезе ребёнка
Являет Бог судьбу стране
И горький путь потомкам?
И как гордыню усмирить,
Покорно внять предвестью,
Чтоб с Богом свято говорить —
Без лжи, без зла и лести?
Как разобщённый стук сердец
Соединить смиренно?
...Готов ли к этому отец
В сей миг благословенный?
Готов ли сын в чужом краю
Осилить путь тернистый
И душу русскую свою
Вернуть святой и чистой?



6

— Зачем тебе далёкий путь,
Звезды высокой жженье?
Чем выше ты, тем глуше жуть
И горше сожаленье! —
Сказал Сашку в печали друг
У отчего порога.
И был в глазах его испуг,
А на душе — тревога.
Но тот торжественно вскричал,
Не совладав с порывом:
— Меня Господь туда послал,
Я внял Его призыву.
Давно Он заново хотел
Очистить нас от скверны,
И от греховных наших дел,
И от судьбы неверной,
Чтоб знать — теперь уж до конца
Не будет противленья
Великим помыслам Творца
В грядущих поколениях...

Напрасно пели соловьи
И дух стоял от хлеба:
Среди дорог родной земли
Он жил мечтой о небе.



Напрасно пёс хвостом вертел
И терся о колено:
Он сделал так, как он хотел,
Как сердце повелело.
Он другу руку протянул
И улыбнулся:

— Слушай!

Во мне какой-то странный гул
Давно съедает душу...
Его взволнованную речь
Друг оборвал:

— Довольно!

Иди!.. Куда б реке ни течь,
Волне бы было вольно.

7

В чреде прощаний есть одно —
Всех горше, без сомненья.
Когда придёт к тебе оно,
Не спросит разрешенья,
Рванёт за грани бытия,
Не признавая чина,
Хоть Богом будь; всего тебя
Сожжёт в своей пучине.
И не ищи причин и слов
Уйти от избавленья:



Из этих огненных оков
Сердечного влечения
Ещё никто себя не смог
Извлечь, как ни старался...
И исключением Сашок,
Конечно, не являлся.
Любовь дороже ли? Звезда?
Два полюса, два жженья,
А между ними ни следа
Взаимосообщенья!
Уйти — любимую предать,
Остаться — сделать то же...
И мог ли он предполагать,
Что выбор будет сложен.
Любовь!.. Она уже ждала,
И застревала комом,
И, неотступная, вела
Назад, к калитке, к дому,
К скамейке той, где звонкий лист
Развесистого клёна
Играл — заправский гитарист —
Мелодию влюблённым
На лунных струнах тишины,
Ему и ей, щемяще...
И чувство тягостной вины
Липучим мраком чащи



Вползало в молодую грудь,
Скребло и колотило.
— Хоть пять минут ещё побудь.
Молю тебя, мой милый!
Янтарный блеск девичьих слёз
В тисках жестокой муки
Тихонько лунный лучик нёс
На жертвенник разлуки.
— Наташа, Наточка, вернусь
К тебе, родная, вскоре!
— Не уходи! Боюсь! Боюсь!
За что мне это горе?!
Ну, хочешь, всю меня возьми,
Испей, чтоб без остатка...
— О чём ты?
— Крепче обними...
О, горько как! Как сладко!

8

Мария, в долгий зимний час
Управясь со скотиной,
Пытала мужа всякий раз
Про Сашеньку, про сына.
Уняв в груди неженский пыл,
Шептала, жизнь итожа:



— Зачем берёзу, Гриш, срубил?
За то нам кара божья!
— Да брось ты, мать! При чём тут Бог!
Ну перебрал... Бывает.
Скажи: дурак у нас Сашок,
Каких и свет не знает.
Не сон-звезда ему нужна,
А, коль сказать по чести,
Наташка — верная жена
С детишками, чтоб вместе
Держать скотину, огород,
Иметь мясо, картошку, —
Глядишь, и жили б круглый год,
Не подбирая крошки...
Дух перевёл:
— Марусь, плесни
Хоть полстакана бражки!..
Ну что — пошёл! Сюда взгляни:
Болит душа о Сашке.

9

Сашок — кровинка и мечта,
Разумница-ребёнок...
И вдруг какая-то звезда
Взяла в свой плен с пелёнок!



На что тогда он, отчий дом?
Кому — земля родная?
Живут соседи вон кругом,
Забот-хлопот не зная.
Хоть сто планет вокруг вертись,
Сто звёзд соблазном мучай,
Родился тут и тут сгодись —
Куда ясней и круче!
Мария — что?! Она — жена,
Отменная супруга,
По гроб Григорию верна,
Ценней не сыщешь друга,
Но бабий ум — двойное дно,
Душа — обрыв у кручи;
Поймёт, конечно, заодно
Свой не упустит случай
Прибрать избранника к рукам.
Ну что ж, вполне по-русски —
Быть убеждённой: мужикам
Давать опасно спуску.

10

От грустных дум Григорий скис
В разлуке без старшего.
Жизнь потеряла прежний смысл,
Не подсказала новый.



И то, что свыше суждено,
Отпущено по срокам,
Свершилось, будто бы оно
Таилось за порогом
И, выжидая нужный час,
Без всякой проволоочки
Исполнить кинулось приказ —
До чёрточки, до точки.

...Стоял весёлый майский день,
Великая суббота.
И, к Пасхе подгадав, сирень
Пьянила вновь кого-то.
Пчелиным роем сад гудел.
И в этом дружном хоре
За ликованием предел
Свой не узрел Григорий.
Шёл разговор: был мельник пьян,
Большие обороты
Включил, и камень дал изъян,
Надтреснул, и ворота
Одним куском прошиб насквозь,
И за собой со свистом
Надежды хрупкий луч унёс,
И канул в бездне мгlistой;



Другим — Григория навек
В стенной пролёт впечатал,
И завершил отцовский век,
И даже не оплакал.

11

Бурлил рекой автовокзал.
По заданным маршрутам
Людских забот девятый вал
Сновал ежеминутно.
И вдруг — знакомые черты.
Не сон ли то приснился:
Сашок — дыханьем пустоты
В поток бурлящий влился?
В края какие держит путь?
На родину? Чужбину?
В глазах застывшей страсти ртуть
И страх наполовину.
Дошёл ли, нет до сон-звезды?
Вкусил ли плод желанный?
И где оставлены следы
Неведомых скитаний?
Он брёл к автобусу смурной,
В походке — след тревоги.
И взгляд — как в роще сухой
Безжизненно убогий.



Его явление селу
Приметили сороки
И всколыхнули криком мглу,
Дремавшую глубоко.
Чёрт знает что! Дома в золе,
Кругом полынь, осока.
А на своей ли он земле?
Не спутал ненароком?
Старуха роется в углях,
Не замечает гостя.
Пацан поодаль — нос в соплях.
Собака гложет кости.
— Как на духу скажи, бабусь,
Чьё было тут жилище?
Не здесь ли царствовала Русь,
На этом пепелище?
Ещё ответь при всём при том,
Чтоб до конца утешить:
Зачем мальчишка строит дом
Из углей-головешек?
И где его отец и мать?
Спились, душою падши?
Хочу к себе его забрать —
Пусть будет братом младшим!



Не отрывая скорбный взгляд
От углей, бабка молвит:
— Навряд сойдёмся мы, навряд!
Сиротство кто восполнит?!
Нужон ли пришлым сирота!
...Мать умерла при родах.
Отца вскружила сон-звезда,
Как щепку в бурных водах...
Хоть тяжко мне, но всё ж пострел
Житьё мне сильно скрасил.
...А дом по дурости сгорел,
Считай, позавчерася.
Заместо водки хлорофос
Сынки глотнули с дрёмы...
Теперь их дом один — погост,
А мы с внучком без дома.
Она седую прядь волос
С лица рукой отводит
И застывает, как вопрос:
Не бес ли рядом ходит?
Не кто-то перед ней — Сашок,
Измученный, усталый.
— Ты не признал меня, сынок?
А я тебя узнала!..
Ну что, сыскал ли сон-звезду?
Не охмелел от воли?



— Я, мать, за нею всё иду.
Ты думаешь, легко ли!
— Я, может, выжила умом,
Всего не понимаю,
Но ты вернулся в отчий дом,
А тут — звезда какая?!.
Она дрожащею рукой
Его щеки коснулась;
Не в силах справиться с собой,
В испуге отшатнулась:
Из глаз сыновьих свет сиял
Пространства голубого,
И в сини той их дом стоял —
Целёхонький, как новый.
На пепелище сын упал —
И гром ударил с неба,
И света яростного шквал
Пронзил и быль и небыль.
И дым Отечества горчил,
И ароматным чадом
Шальную голову кружил,
И восходил над садом...

1992–1993

«КРАСНЫЙ ПОЯС»

*Лирико-публицистическое
повествование*



«Красный пояс» — термин начал широко употребляться с середины 1990-х годов после победы в ряде регионов оппозиционных кандидатов-коммунистов. Авторская метафора «красного пояса» предполагает приверженность не столько политическим, сколько духовно-нравственным и социально-историческим ценностям того периода.



*Все сведены дорожной далью:
И тот, и та, и я, и вы...*

А. Твардовский.
За далью — даль

1

Красный пояс... Красный пояс...
Есть сенсация для СМИ.
Красный пояс — скорый поезд,
Утрамбованный людьми.

По равнине среднерусской,
Блиц-опросам вопреки,
Тщится, тащится с нагрузкой
Из Валук в Кисляки...

Вот на гору — пых за пыхом,
Вот под гору — скрип да визг...
Красный пояс — боль и лихо,
Территория-каприз.

От чего так сердцу плохо?
Не маршрут, а сущий ад.
За окном стоит эпоха,
Оголив костлявый зад.



Тычут в стёкла выпивохи
И гыгычут:
— В бога мать,
Гляньте, целая эпоха
Вертит задом, точно б...ь!

Эх бы взять её, пощупать
Да притиснуть без злобы:
Что ж, мол, ты, чумная щука,
Люд таскаешь за чубы?!

Красный пояс...
Даль без близи,
Близь без дали!
Что за край?
Хочешь выжить — телевизор
В доме лучше не включай.

Красный пояс...
Мать-Россия!
Кто любя, кто не любя,
С века красным, белым, синим
Опоясали тебя.

Целый век красна от крови.
Целый век бела тщетой.



От родительского крова
Веет синей пустотой.

В белом поясе Чукотка,
В синем поясе Сибирь...
Красят родину в охотку
Олигарх, чиновник, хмырь...

В белом зеркале отыщешь
Рожу, чтоб задать вопрос:
— Чьи синющие глазищи?
— Чей краснущо-сизый нос?

Красный пояс...
Русский пояс!
Мчит состав.
Я — пассажир!
В тесном тамбуре пристроюсь,
Еду в новый век и мир.

2

Край родной за перегонем.
Дали мне его видны...
В красном поясе вагоны
Бирюзово-зелены,



Словно поле, словно роща,
Подорожник-мурава...
Жить трезвее, быть бы проще,
Не болела б голова.

Не делили б даль Отчизны
На цветные пояса...
Мчится поезд-укоризна
Через реки и леса.

Через фабрики, заводы,
Через бабкину бахчу,
Через дни и через годы,
Через ветошь и парчу.

Нет маршруту укорота.
Рельсы звонкие красны
От нужды и от заботы,
От похмелья и вины.

Дед глядит нам вслед с укором
И с надеждою — малец:
Уж не слишком ли он скорый,
Уж не шустрый ли, стервец?!

Скорбной дедовой тревогой,
Страстью розовой мальчика



Застит пыль большой дороги
Наши красные сердца.

Мысли скомканы, как вата.
Чувства тестом из груди
За шлагбаум полосатый
Выползают на пути.

Безымянные разъезды,
Переезды без флажков...
Семафором красной бездны
Рвётся сердце из оков.

До Москвы и Петербурга
Красным поясом стелись,
Даль российского недуга,
Одураченная близь!

3

До свиданья, век двадцатый —
Антикварный экземпляр!
Здравствуй новый, незаклятый,
Необжитый божий дар!

Любопытный и неробкий,
Весь — почти молодожён.



В паровозной жаркой топке
Безымянно не сожжён.

Не расстрелян за курганом,
Не отправлен в Магадан,
Чтоб потом из Магадана —
Добывать в тайге уран.

У тебя в глазах отвага,
А в груди — огня запал.
Не был узником ГУЛАГа
И на фронте не пропал.

Не был литерным в штрафбате.
Не в твои лопатки СМЕРШ
Тыкал дулом автомата,
Душу с кожей скрёб, как смерть.

И в бараке от поллюций
Не кривился сонный рот...
Бог тебя от революций
Пусть, Россия, сбережёт!

Прирастёшь ли ты Сибирью,
Черноземьем, Колымой —
Всё не важно! Жить бы в мире
И в согласии с собой,



Чтобы деды, восхищённо
Память вспять перелистав,
Своим внукам просвещённым
Пояснили: автор прав!

Был наш век двадцатый разным,
Был кровав и был дурён,
Разным был, но не напрасным
В череде иных времён.

Чтобы, ржавчину зачистив
Рашпильком иль наждаком,
С тёплым чувством, с ясной мыслью,
Чистым русским языком

ДнепроГЭСы и Турксибы,
Целина и Усть-Илим
Слово зычное «спасибо»
В назиданье молодым

Вознесли как глас желанный,
Чтоб грядущий строй племён
Чтил бы предков дух державный
И величье их имён!



Красный пояс — путь хребетный,
Вековая магистраль,
Ты возьмёшь ли в век заветный
Нашу удаль и печаль?

1999

РОМАН БЕЗ ЗНАКА ПРЕПИНАНЬЯ

*История одного замысла
в стихах и дневниковых записях
провинциального чиновника*





Глава первая. ЗАТЕЯ

Из дневника:

4 августа 2000 года.

Перед обедом позвонила знакомая О.: «Лето заканчивается. И комаров уже — не как в июне: один-два на версту, и те с переломанными крыльями. Так что решайтесь, господин Номенклатурищик! Костёр, шашлык и чудный запах дыма, — что ещё надо для маленького человеческого счастья? В противном случае Дон может не выдержать вашего долгожданного обещания посетить его живописные берега: через неделю в студёные речные воды ступить будет проблематично».

Мне жутко некогда, и я бурчу в трубку маловразумительное что-то, вроде этого: «Запах дыма в декабре будет...»

Моя знакомая — из бывших комсомольских работниц, и сразу понимает, на что намекаю: «Ах да, выборы!.. Третья беда России... Гоголь про две писал, а мы теперь классика переплюнули... Скучные, кислые вы, мужики, и жизнь у вас ненормальная, точней, непутевая. Всё потому, что не рожаете и настоящую цену жизни не знаете. Это мы, бабы, всегда успевали и жить, и любить, и с «гоголевскими» бедами управлялись, и к третьей, вот увидишь, приноровимся!.. А некогда — оно так всегда...»

Как она права! Всё-таки женщины мудрей, дальновидней нас.

Третий день в коридорах областной администрации переполох. Глава на пресс-конференции объявил: идёт выбираться на второй срок, — и чиновничий муравейник закипел, заползал, зашушукался. Хотя какая тут новость, и так всем было ясно: главные соперники — наш, действующий, и генерал УФСБ.

К сослуживцам в кабинеты хоть не заходи: ну, ты что думаешь? а что говорят?.. и т.д. и т.п.

Чиновник средней руки с огромным стажем С. ликует: «Молодец наш! Давно бы так! С весны резину тянул: пойдёт — не пойдёт...»

Столоначальник из смежной структуры К. негодует: «Дурак! Отговорить некому... Да я каждую неделю в районах. Его там, не как четыре года назад, — ненавидят... Ух, ослы! На смерть человека толкают».

Зам. зав. И., поправив очки, философски обосновывает ситуацию о неизбежности второго тура: «Клянись! Я это печо-онкой чую».

А у меня в дни всеобщей кабинетной истерии своё. С прошлого четверга две строчки покоя не дают: «Когда-нибудь свободным стану// От суеты и должностей...» Смешно, стыдно, может, но что я могу с собой поделаться?! Не скажешь ведь начальству: пошли вы, меня творческий подъём! Вот и киваешь в трубку: «Угу!.. Понял!.. Да!.. Хорошо!.. Бу-ут сделано!..» А сам — к черновику при первой возможности. Я и дома за стол усаживаюсь, как только мои улягутся.



Когда-нибудь свободным стану
От суеты и должностей
И, может, наконец, к роману
Я подступлюсь... Из всех затей
И по профессии дипломной,
И по отметкам в трудовой
Она мне кажется резонной
И наиболее родной.
Она за дружеской беседой
И в эксклюзивном интервью —
Уже заявка на победу
В ещё не слаженном бою.
Затее этой небывалой
Не автор я и не герой...
Она — как в печке поддувало:
Попробуй только перекрой —
И ни огня тебе, ни тяги,
Ни жара в комнате твоей,
Лишь дым, пронырливый бродяга,
Из всех немыслимых щелей
Повыползает, словно шашель,
И нагло выставит на свет
И резь в глазах, и в горле кашель —
Конечный, так сказать, эффект.



Она пронзит тебя любовью,
Предъявит гамбургский свой счёт
Почти забытой в сердце болью
И перепутает черёд
И лет из молодости давней,
И новых дней, что у висков,
Как пульс, толкутся в ожиданье
Иных, неведомых оков.

2

Чтоб равновесья не нарушить
И не внести разлада в строй,
Меня не принуждаю слушать
И слепо следовать за мной!
Я это долгое вступление
Для тех в душе моей берёг,
С кем час заветного общенья
Уже оттягивать не мог.
Томить поклонников надеждой
И в сердце замысел таить
Небезопасно, небезгрешно
И очень глупо, может быть.
Мы значим многое, коль вместе!
Признать взаимность — разве грех?
Строка ко времени и к месту
Пусть не победа, не успех,



Зато она из уст соседа
Порхнёт в уста других, как весть,
И будет тоже не победа,
Но что-то в том, признаться, есть!

3

Другое что могу я в жизни?!
Господь не дал торговца дар.
Идти в защитники Отчизны,
Хоть генералом даже, стар.
Годки — и те давно в отставке!
Попрятав кители в шкафы,
Они сегодня на гражданке
От Петербурга до Уфы
Кочуют в поисках работы
С предоставлением жилья
И от правительства ждут льготы,
Как состраданья от жулья.
Таков из Вологды полковник —
Мой одноклассник, лучший друг.
Таков всех уровней чиновник.
Таков ученый. И пастух.
И такова твоя родная,
С кем ты делил свою любовь,
В плену у чувств не сознавая,
Что всё начать придется вновь.



Таков теперь артист из ТЮЗа,
Десантник, раненный в Чечне...
Мы все осколками Союза
Разбросаны в своей стране.

Глава вторая.

ТОЧКА

Из дневника:

8 августа 2000 года.

Два дня назад умер мой любимый поэт Ж., наш прославленный земляк. Откликнулись всего две газеты. Почти никак не отреагировал город с его огромной аудиторией почитателей исповедальной лирики. О власть предержащих вообще не говорю. Они ненавидели его всегда, сделали все, чтобы поэт не стал Почётным гражданином города...

А, собственно, что это я заладил: они? А я? Я — не они разве? Лучше? Ой-ли! Их же — плоть от плоти, козь правила игры принял, повадками овладел.

Да, со школы люблю стихи Ж. Зачитывался ими. Многие знал наизусть. Девчонкам, бывало, нашептывал: «Две родинки, две отметинки // На груди у тебя, на плече...» С докладами о его творчестве выступал на научных студенческих кружках. Даже когда-то давным-давно, в годы комсомольской юности, моей знакомой О. под хмельком читал у костра на донском берегу... Ну и что из того?! Убаюкивать сейчас начну себя: ты, конечно, тоже чиновник, но не такой, у тебя



вон и книжки выходят... А другой — классный рыбак, а третий — охотник... Хобби!

Ах, как красиво, благородно звучит: ты внутренне рвёшься за этот круг. Рвёшься! Но как бы понарошку. Натурально, физически — духу не хватает. И они не дадут! И обстоятельства вынудят. А там ещё — жена, дочь, сын... Вот и крутишься как сработавшая шестерёнка — с пробуксовкой, со скрежетом, но однозначно по функционально заданной траектории.

...О выборах сегодня молчу. Нигде не был, ни с кем ни о чем не говорил... Чиновник средней руки с огромным стажем С. в обл. Думе на парламентских слушаниях... Столоначальник из смежной структуры К. опять укатил в район... Зам. зав. И., весь какой-то дёрганный, нервный, звонил до обеда, но, правда, по сугубо личному делу...

...Продолжаю писать. Сплю уже часа по два-три. Усталости, правда, — ноль. И только какое-то чувство, что не успею к сроку (будто кто мне его определил!) и что нужно **это** обязательно сейчас или **ни-ког-да!** А что пишу, пока не понимаю.

1

Итак, вступленье есть! Но точку
Рука поставить не спешит,
Ещё, ещё выводит строчку,
То негодует, то смешит,
То философствует без дела,
То в сердце трогает струну



Таинственного запрдела,
Где, невзирая на вину,
Демонстративно станут в позу,
Экспромтом выдадут скандал
И в состоянии психоза
Плеснут в лицо вина бокал,
А то прильнут к устам устами,
Сольются в общий кровоток,
Чтоб не понять, какой мы сами
Преподаём себе урок...

2

Чему дивиться?! Жизнь сюжеты
Клепает круче, чем роман,
Подчас не ставя точек... В этом
Не главный замысла изъян!
Как угадать тут, где начало,
Конец терзаниям творца,
И где начало вдруг кончалось,
Чтоб начинаться от конца?
Мудрёно скручено, но точно!
А точка будет, как велит
Сюжет. Ему за проволочку
Не буду ставить я на вид!
Ни малодушья нет, ни дружбы
В такой лояльности моей.



Что взять с чиновника, в ком служба —
Любого творчества важней?
Но при реалиях возможных,
В силках инструкций должностных
Одно тревожит безнадёжно:
Как быть свободным мне от них?
И от параграфов контракта,
Где в каждом пункте — в том и сём —
Лишен манёвра ты, как трактор,
По брюхо севший в чернозём.
Трудней при галстукe, во фраке
Носить, не пряча в блеск очков,
Лицо казённого служаки
И сочинителя стихов.
Но как тут выглядеть нормальным
И адекватным быть, когда
Живёшь в эпохе аномальной,
Где чувства — стыд, где ум — беда;
Где ты во всем — наполовину:
В любви, в карьере и в мечтах,
Захлёстнут туго пуповиной
Сомнений, вызревших в сердцах;
Где среди дней, начальства, строчек,
Жены, детей и прочих лиц
Твой мир безжалостно курочат,
Подобно плитам от гробниц?



Но никуда уже не деться!
И мне сегодня не судьба
Свое натруженное сердце
Отдать на вольные хлеба.
Привык я тут! Среди интрижек,
В кругу зевак, дельцов, льстецов
Я сам себя частенько вижу
Таким же точно с тех годов,
Когда по принципам партийным
И по советскому клише
Мою анкету в списке длинном
Отдали плавать в неглиже.
Не надувал я щёк, но всё же
Микроб куриной слепоты
Во мне засел, а после ожил,
Затем и вовсе стал на «ты».
И, вбитый монолитной пробкой
В номенклатурный постамент,
Я не узрел, что, как подлодку,
Нас волокло в пучину бед.
Задаться мне б тогда вопросом,
Зачем, куда и с кем плывём,
Но сердце преданным матросом
Ушло под воду с кораблём.



Глава третья. ДНИ

Из дневника:

20 августа 2000 года.

Двенадцатого августа в Баренцевом море затонула атомная подлодка «Курск».

Вечерами лихорадочно щёлкаю кнопками телевизора, ищу последние сообщения с места трагедии. На глазах выступают слёзы. Больше, видимо, от жалости к ребятам. А может, от обиды за страну, за флот, за себя. Или просто от безысходности ситуации.

Гибель атомохода на время поубавила накал кабинетной трескотни о предстоящих выборах.

Чиновник средней руки с огромным стажем С. спешно мобилизован на помощь областной службе МЧС по формированию гуманитарного груза в Видяево.

Столоначальник из смежной структуры К. по неотложным делам вновь колесит по районам: не за горами копка свёклы, идёт проверка готовности заводов к сезону сахароварения.

И только зам. зав. И. вроде бы тайком задействован на спецпоручении — составляет список близких к губернатору начальников из различных структур, чтобы под видом уполномоченных те негласно готовили почву в райцентрах под декабрьское политическое шоу.

Вчера с ним случайно столкнулся в столовой администрации. Без всякого умысла, больше для проформы, спросил, чем тот занят. И. подозрительно стушевался, глазки забежали, заблестели, и, с усилием овладев собой, он нараспев, с чуть-чуть надменным выражени-



ем лица протянул: «Да та-ак, дельце есть!..» И вдруг резко склонился к моему уху: «А второй тур будет. Обяза-тельно!» На странный пассаж коллеги я не нашёлся что ответить. «Причём тут второй тур, вообще все эти выборы, когда с “Курском” творится непонятное?» — подумалось.

Наутро в одной из лояльных к губернатору газет прочитал интервью под симптоматичным заголовком «Трагедия «Курска» — наша боль. Пора делать выводы». В свойственной ему манере главный областной начальник пинал своих оппонентов. Цитирую: «...Десять лет разваливался экономический потенциал страны, разворовывались с помощью грабительской приватизации её богатства, гробились Вооруженные Силы... И вот сегодня те, кто приложил к этому развалу максимум усилий, хотят взять политический реванш. Через подконтрольные им средства массовой информации они вбивают в головы мысль о том, что в трагедии виноват Президент, что он в трудный час не покинул место отдыха, что вообще мы не того главу государства выбрали и что курс у нас не тот...»

Теперь мне окончательно ясно: никогда одно (даже если это страшное событие!) не затмит другое, где на веса судьбы поставлены карьера, власть, положение в обществе с возможностью манипулировать человеческим настроением.

...О., видимо, обиделась. «Не пойму я вас, чиновников, — заявила на днях по телефону. — То выборы у вас круглый год — дрожите, то из-за подлодки нюни распускаете! Страшная беда — гибель “Курска”. Но бесконечные выборы — бедствие для народа постраш-



нее. Страну вместо городов и сёл на избирательные закутки поделили. Не сеем. Не пашем. Металл не лём. На что рассчитываем? Обещания крикунов с бюллетенями жрать будем? Куда ни ткнись — одни ново-явленные “христосики”! Вот он — я, голосуйте за меня: горы с места сдвину... Чего их двигать? Кому мешают? Ты что, на сто лет вперёд выдвигаешься? Флоту бы лучше помог подлодки нормальные строить... Вместо дружбы и помощи — предательство, подкупы, компроматы. Вместо любви и сострадания — ложь и обман, зло и корысть... Гадко! Дико! Азиатщина!.. Гоголю наша беда в страшном сне не снилась...»

1

Вчера шёл дождь. Мне было грустно.
Дремал компьютера экран.
Открыл я было томик Пруса,
Но скучен читанный роман.
Не утолит седая древность
Сиюминутной жажды страсть,
В которой верность либо ревность
Готовят сердцу втуне снасть.
Я весь — из этих дней текущих,
Из дождевых литых прохлад,
То возвыщающе-гнетущих,
То гомонящих невпопад
На остановках, у киосков,
В толпе под зонтиком цветным



С физиономией неброской,
Но с чем-то милым, дорогим.
Они меня, как мальчугана,
По лужам тащат при грозе
Сквозь дымку легкого тумана
В прибрежной лесополосе.
Мне дела нет до фараонов
И обольстительных цариц
С их беззастенчиво-фаворным
Обличьем ненасытных жриц.
У дней моих иная прелесть!
Люблю я то, что есть сейчас:
И этот дождь, и чью-то ересь
С телеэкранов в поздний час.
Люблю, когда жена в отъезде —
Спокойно можно пить пиво.
Люблю, когда сосед в подъезде
Щенку выносит молоко.
Дедок — на пенсии лет двадцать,
Хватает дни беззубым ртом;
Ему пора б давно питаться
Таким же точно молоком,
А он ещё на молодуху —
Вдову спецназовца косит
И шепелявит мне на ухо:
«Ах, что за баба! Динамит!»



2

Люблю я многое, ей-богу,
Из наших дней, из наших лет.
Люблю светло, люблю убого,
Люблю — и всё! Какой секрет?!
Пока у дней моих есть выбор
Быть на слуху и на виду,
Себя я чувствую, как рыба
В глухом нетронутом пруду,
Вдали от оживленной трассы,
От браконьерских тайных троп,
Чтоб жить раскованно и страстно
На стыке азий и европ,
На перекрестье дня и ночи,
В переплетенье ярких чувств
И ясных мыслей непорочных —
Родоначалников искусств;
Чтоб, одногодков не ревнуя,
На мир глядеть из-под руки,
Где, о насущном памятуя,
На службе собственной строки
Пером без страха бы водила
В графлёных буднях естества
Неубывающая сила
Заквашенного мастерства



И где б душа творить не смела
Внутри империи своей
Очередного передела
Нажитой собственности дней.

3

А дождь... Он шёл, стучал по стёклам,
Воображение томил.
И был мой замысел промоклый
Озябшим чуть, но полным сил.
И не давал он мне покоя.
И дрёму гнал к балкону, прочь.
И, как оружие какое,
Хватал я ручку и всю ночь
Сражался с чистою страницей,
Не ставя точек в тех местах,
Где в пирсах глав и композиций
Мой день дышал на всех парах.

4

О чём роман? Я сам не знаю!
Наверно, зря наобещал!
Пока в уме перебираю
То букву «И», то букву «Щ».



Пока колеблюсь, даже трушу,
Уже подумываю: зря
Я в ситуации не лучшей
Нашел забаву для себя!
Зачем мне это? Разве мало
Оклада, чтоб спокойно жить,
В своих кругах хорошим малым,
Как все былые годы, слыть?
И, может, хватит приключений,
Их нынче столько за спиной,
Что из иных таких сражений
Я выходил едва живой?!
А разве втайне не сдавали
Из состоявших «при дворе»,
С кем мы из горлышка хлебали
В райцентрах водку на жаре?
Былое здесь, под сердцем, — свято!
Подлодкой бухнулось на мель...
А с ним — и пыл восьмидесятых,
И перестроечный наш хмель,
И боль редакторского груза,
И заказных статей вар!..
Тогда моя скучала Муза.
Зато резвился «Коммунар»*.

* Воронежская областная молодёжная газета «Молодой коммунар».



О чём роман — гадать не смею!
Идея есть, но смысла нет,
А будет смысл — её, идею,
Под ручки выведут на свет.
Вопросов лишь, прошу, не надо —
Я теоретик небольшой.
Роман мой слизан, как помада
При поцелуе под луной.
Или листом вдоль тротуара
За подворотню пронесён,
Забился где-нибудь под тару
До лучших будущих времён.
Одна лишь мысль встаёт горою
На только начатом пути:
Кого же в главные герои
Успеть к утру произвести?

Глава четвёртая.

СОН

Из дневника:

2 сентября 2000 года.

*Несмотря на субботу, утром ходил к главе. Был у него не один, с редактором ведущей газеты области. Визит инициировался лично **самим**, никак не афишировался.*



В кабинете было тепло и уютно. На главе ладно сидела белоснежная рубашка при дорогом золотисто-чёрном галстуке. Беседовал он с нами по-приятельски откровенно. Даже я, человек ему подчинённый, через минуту-другую раскрепостился и вёл себя непринуждённо. Надо отдать должное, наш шеф умеет расположить к себе собеседника.

«У меня сложилось впечатление, что Ф. самоустранился от работы с прессой, — проронил он между прочим. — А теперь каждый упущенный день подобен поражению. Схватка, сами видите, идёт не шуточная. Хочу посоветоваться, как мне эффективнее использовать прессу на выборах».

И я, и редактор с оценками и советами не спешили, чтобы по торопливости не вляпаться в какую интригу. Оба знаем, что хозяин кабинета в подковёрной игре непревзойдённый мастер. А может, ему и не требовалась наша реакция. И упрёк мимоходом в адрес зама скорее был ритуальным. Чем и смахивал то ли на реплику привыкшего в течение многих лет повелевать руководителя, то ли был незримым индикатором большой внутренней напряжённости и усталости: ну вот, мол, и прессой самому нужно заниматься! А ещё показалось, что в глубине души он так и не отыскал убедительных аргументов собственному выдвижению на новый срок. Болтают: засобирился на выборы больше из обиды на злополучное коллективное письмо 219-ти «уважаемых людей региона». Через СМИ они обратись к генералу контрразведки с просьбой выставить свою кандидатуру на губернатора и избавить, наконец, область от позорного звания — столи-



ца «красного пояса». Вот и прыгнул наш, как мальчишка с обрыва, в омут, а оказалось-то: рядом ни единой души, готовой протянуть руку... Почти десять лет руководил он областью и, конечно же, не предполагал массового исхода элиты: две трети из них были либо его ставленники, либо воспитанники. Выходит, предали...

На днях мой знакомый, близкий к главе человек, намекнул: шеф в узком кругу, за рюмкой водки, признался: мол, даже своих заместителей не может послать в районы «под выборы». А ведь на селе всегда жил главный электорат действующего губернатора!

И вообще тональность утреннего разговора только усиливала правоту уличных настроений: общество устало от лидера. Первыми это почувствовали вчерашние соратники.

Так всегда бывает! Недаром говорят: заложить ближнего — святое дело...

1

Был из приёмной голос: «Срочно!
Вас губернатор просит быть».
Визит вне плана первой точкой,
Видать, в сюжет пора вносить,
Пока никто в превратном свете
Не преподнёс в недобрый час
На блюдечке из свежих сплетен
Задумки авторской алмаз.



2

Мир удивителен по части
Преображенья тайны в явь,
Упрячь её хоть в волчьей пасти,
Хоть за кордон с гонцом отправь!
Бывают дни: в недоуменье
С кровати вскочишь, поражен:
Явилось что тебе — знаменье
Или обычный глупый сон
С круженьем образов нелепых,
Фантазмагорий и причуд?
В смятенье начинаешь слепо
Житейской логики приют
Искать загадочным виденьям,
Чтоб от досады и вины
Признать под вечер: объясненью
Не поддаются наши сны!

3

Я человек не суеверный,
Но, чтоб не сглазили роман,
Задумку берегу от скверны,
Пока мне свыше знак не дан.
Астрологическим прогнозом
И тайной сменой лунных фаз



До тика или до невроза
Я не желал бы даже раз
Себя за чтеньем «жёлтой прессы»
Вдруг довести и целый день
Под прессом горестного стресса
Глазеть на мир, как в роще пень.
Я даже в сон с присловьем «вещий»
С натяжкой верю иногда —
Когда угрюмо и зловеще
Ворвётся в трещину беда,
Как в носовой отсек подлодки
Пучины гибельный поток,
Чтоб с кровью выдавить из глотки
Последний воздуха глоток.

4

Но быть тому, что быть в нас должно!
Мы им сполна окружены.
Чиновник ты или художник —
Не снятся по заказу сны!
Мы в них живём, смеемся, плачем,
Вчерашних дней мгновенья длим,
Частенько ничего не значим,
И лишь, как в зеркало, глядим,
И обнаруживаем сходство
С собой без лести и прикрас:



Лиц напомаженных уродство,
И пустоту усталых глаз,
И бездну душ, и скудость мысли,
И равнодушный стук сердец,
И не зализанной корысти
До крови колющий венец...
Мы видим сны и верим в чудо:
Светлы — послал их, значит, Бог,
Черны, как ночь, — быстрее будим
В сознание Бога, чтоб помог.

5

Во мне не раз об этом думы
Рождали муку. Я их гнал
И тайный замысел угрюмо
В груди поглубже укрывал.
Был для меня мой сон неясен
И, с целью не понять какой,
Меня младенцем брал из яслей
И направлял на путь земной.

6

И я бежал на зов приёмной.
Приказ начальника — закон.
Шёл день к исходу утомлённый.
Дымился в знойной мгле газон.



Стрижи носились над фонтаном,
До хруста клювы разодрав,
И брызги с возгласом гортанным
Хватали, чтоб умчать стремглав.
Работал ум мой, что компьютер,
Наскоком мысли брали сквер:
«Зачем?.. Нельзя ли было утром?..
А вдруг!.. Не трусь!.. Не будет мер...
А может, он для консультаций
По СМИ?.. Иль чей-нибудь звонок?..»
И в «дипломат» вплавлялись пальцы,
Как электроды в уголок.
А перед взором — лица, лица...
И где то подлое лицо,
Что заложило сослуживца,
Сопроводив крутым словцом?
Теперь уж точно дописали
К моим Ф.И.О. приставку «НЕ»,
Чтоб сдвинуть по горизонтали,
Измазав в собственном говне.
Я хорошо манеру эту
Усвоил; с ней с тех пор знаком,
Когда в районную газету
Распределял меня обком.



7

Теперь чиновный век короткий —
Ушли советские года.
Успеешь разве выпить водки,
А дальше думай сам, когда
По сводкам выборным итоги
Волну удачи понесут:
Или слегка промочат ноги,
Иль напрочь смоют, будто тут
Ты не стоял ни дня в дозоре;
И подчинённый прежний твой,
Нос в нос столкнувшись в коридоре,
Вдруг резко став к тебе спиной,
Спешит шмыгнуть за дверь любую
(А их здесь много на пути!),
Лишь бы в атаку лобовую
С тобою, бывшим, не идти...

8

Чего с избытком в службе нашей,
Так это подлости!.. Я сам —
Чиновник в звании, со стажем —
Её лакал не по годам,
Когда был изгнан и унижен
Без объяснений и причин,



Испачкан сплетнями, как жижей
С колхозной фермы, и один
Без всякой помощи сторонней
На свет карабкался впотьмах,
С колен вставая на ладони,
А дальше — в рост, чтоб сделать шаг...
Здесь не нужны твоё умение,
Квалификация, разряд
И в деле искреннее рвенье...
Как ни постыдно, ты — снаряд:
Тобой таранят неугодных,
Тебя взрывают всякий раз
Под маркировкой благородных
Задач и целей в нужный час.
Открыл я эту тайну рано,
Когда впервые шёл во власть
По приглашенью. О романе
Не помышлял тогда и всласть
На новом поприще трудился,
В заботах не считая дней.
И зря, быть может, тяготился
Невоплощённостью идей.
Они терялись в папках где-то
Начальников... Каков с них спрос?
Ну что ж, и в этом для сюжета
Есть свой резон и свой вопрос!



Пока к главе на встречу мчался,
Хотел узреть взаимосвязь:
Каким он был, каким он стался,
Как поменяла душу власть?
Когда-то слыл он добрым парнем,
На подчинённых не орал
И аппарат хреновой псарней,
Как прежний тот, не обзывал.
Любил охоту, знал гармошку
И был по линии интриг
Ловчее, чем при ловле кошка
Мышей в местечках потайных.
С Чубайсом знался, как ни странно,
За что по партии друзья
В моменты сборов беспрестанно
Его клеймили почём зря.
И с Президентом препираться
Хватило в нём однажды сил,
Когда в Совете Федераций
Того с поста уйти просил.
Незаменим был для веселья
И шахматистом слыл (не вру!) —
Не сыщешь равных в Черноземье,
Чтоб хоть к ничьей свести игру...



Он предложил при встрече чаю.
И начал без обиняков:
— Послушай, я тебя ведь знаю
Почти десятка два годков.
Зачем же прёшь то вкривь, то вкось ты?
Не видишь, что ли, тем живых?
Нет сочинить про сенокос бы
Да про уборку зерновых...
Или ещё подброшу темку:
Возьмись за авиазавод.
Сюда слетались Кириенко
И Черномырдин... Только вот
Как был и есть гигант — проблема.
От слов премьерских — чистый пшик...
Вот это тема так уж тема —
Откусишь в ужасе язык.
А «красный пояс»?! А трансферты?!
В Кремле их режут пополам.
А с ВПК эксперименты?!
За эти темы всё отдам!
Помеха делу — заморочки:
От них тоска бросает в дрожь.
Нужна не в этом месте точка,
Тут многоточий знаки сплошь!



11

На протяжении беседы
Он не давал мне рта раскрыть.
Мелькали темы и сюжеты,
И я не знал, как с ними быть.
Они в мой план первоначальный
Пытались втиснуться бочком,
Чтобы в пометке календарной
Совсем не выцвести потом,
Чтоб накануне новогодья
В корзину не швырнули б их,
Как перетертые поводья
С жеребьих холок молодых.
И выходил я из приёмной
Со странным чувством, будто вдруг
Устал быть в замысел влюблённым,
Чтобы о нём поведать вслух.
Вселялось в грудь мою смятенье:
Каким он должен быть, роман?
И многоточьем многотемье
На свет тащило новый план.

12

Нет-нет, сомнения не скрою,
Не утаю и не совру,
Кого в заглавные герои,
В конце концов, я избираю



И быть каким он должен, главный!
Лишь про себя шепну, как вздор:
«Тактичный? Умный? Своенравный?..
Авантюрист? Начётчик? Вор?..»
А вдруг в провинции далёкой,
В полтыще вёрст от стольных мест,
В обнимку с поиском глубоким
Тоска глухая грудь изъест?
Кого тогда возьму с собою
В поход, в разведку, либо в бой?
Или в похмелье, с перепоею
Шагну за угол у пивной?
Коль так, прощайте, губернатор!..
В полночных бденьях над строкой,
Как настоящий гладиатор,
Не дам расправиться с собой!

Глава пятая. СЕНОКОС

Из дневника:

7 сентября 2000 года.

На два дня уезжал в командировку в самые дальние южные районы. С дороги по мобильнику звякнул О. Извинился, что завернуть в райцентр даже на часок не смогу. «Сволочи вы, аппаратчики! — шутливо отреагировала она. — И мой такой же: доверенным лицом вашего губернатора вот назначили. Готов ноче-



вать на работе — доверие это самое оправдывать. Прошу огород в выходной подготовить к вспашке — орёт как бешеный».

Зато на обратном пути заехал к матери в село — повидаться. Не тут-то было! Калитка, дом, сарай, погребка и всё, что только можно, — на замках и замочках, на щеколдах и запорах, проволочках и верёвочках.

«Ишь ты, умник какой! — всегда кипятилась мать, когда я подтрунивал над её природной страстью к замыканию. — Подальше положишь — поближе найдёшь! Алкаши враз усе́ растаскают».

Через дорогу, в избе напротив, скрипнула дверь, и писклявый голос бабки Парашки, словно мяч, подпрыгивая на задубелых от жары колдобинах, перекатился через улицу: «Сынок, ты, што ль, родненький?! А я-то сослепу не пойму: хтой-то на “воронке” к Нюрочке заявился... Дык она нонеча (кабы тебе не сбрыхнуть!) у райцентр первым рейсом умотала. К вухо-горло-носу».

Соседке давно за восемьдесят, вот и сидит она днями у окна, ничто мимо старческого глаза не проскользнет. Мать об этом знает, порой злится: «Око века какое-то!» Но ведь и польза, оказывается, есть от этого ока, как теперь!

Прежде чем уезжать, спустился по проулку в конец огорода, к речушке. Тихо тут, светло, просторно! Ни страстей городских, ни этих грубоватых закидочнов чиновника средней руки с огромным стажем С., ни нытья столоначальника из смежной структуры К., ни циничной зауми зам. зава И.

Кукушка невдалеке годы считает, как в детстве. Лысуха в камышах трескучим голосом округу донима-



ет. И ивы вдоль извилистого берега. Большие стали, раскидистые, в настоящие деревья превратились...

Минуя терновник, прошёлся по лужку. Какой он, оказывается, малюсенький, крохотулечка! С восстановлением плотины вода поднялась, поднаперла, и, будто пятясь от подтопка, перебрался он повыше, аккуратно к огородам. А там, где раньше мы с дедом мураву косили, камыши стеной стоят — такие и комбайном не возьмёшь.

Поодаль, примостившись на покато, рыжей от глины боковине плотины, мальчуган лет семи удит рыбу. «Здорово, мужик! — окликнул его. — Как клев?» «А-а, фигня! — поморщился тот. — Всего два карасика, вот такие», — и показал половинку своей чумазой ладошки. «А когда я маленький был, тут сазаны с руку водились», — поддразнил я его. «Пацаны говорят, что есть. А я вот ни ра-азу не видел», — будто пропел он с досадой и добавил: «Да и дядь Саша тоже говорит». «Ну ладно, удачи тебе! И расти большой...» — вдруг ни с того ни с сего свернул я беседу и быстро зашагал наверх: пора было возвращаться в город.

«Нет, какой маленький луг, а как много значил он в моей жизни!» — думал я.

1

А сенокос, пожалуй, вспомню!
Пусть в общем замысле моём
Тоской по детству, по Придонью
Живёт, не думая о том,



Что на ближайшей встрече с Музой
Краёв российских пилигрим
Рискует выглядеть обузой
Иль хуже — выскочкой каким;
Что в маете концептуальной,
В повествовательной канве
Смотреться станет тривиальной
Допиской к авторской главе...
Зачем чинить себе расправу
И чьим-то вкусам потакать?
Имею полное я право
По ходу замысел менять!
Что за роман без отступленья
От форм привычных и от норм,
Коль рядом нет сопровождаенья
Из назревающих реформ?

2

Мой сенокос — моя планета,
С небес скользнувшая строка,
Ютится в краешке сюжета,
Не посягая на века.
Нет, мне в пути не притомиться,
Не раствориться в пустяках,
Пока журчит, журчит водица
В чистейших детства родниках!



Пока из памяти туманной
Плывёт желанный сенокос
Частицею элементарной
С орбит янтарных летних рос,
Пока в округах пахнут травы
Звнящей свежестью косы, —
Душе не сыщутся отравы
И яд от самой злой осы!
Пока от трели соловьиной
Луна резвится в вишняке,
Для казни голову повинно
Мостить мне рано на пенёке!..

3

Мой сенокос — сезон открытий.
На острие косы он нёс
И боль трагических событий,
И горечь первых детских слёз.
Мне было от роду двенадцать.
Отец погиб. Нас мать одна
Растила. Горю поддаваться —
Не в том характере она.
Стремилась выдюжить и выжить,
Вселить уверенность в сынов,
Усталость в женском сердце выжгла,
Лишившись отдыха и снов.



Держала кур, овец, корову —
Под стать соседским мужикам.
Души крестьянскую основу
Вдыхала в души трём сынам.
И, чтоб ослабить боль утраты
И облегчить чуть-чуть беду,
Я с ней учился на закате
Косить в проулке лебеду.
Коса ходила неуклюже,
Втыкала в кочки острый нос.
И я пугался, что не сдюжу,
Не одолею сенокос.
А лебеда — сплошные прутья.
С размаху бьёшь — стоит, крепка.
Как изловчиться, рубануть бы
Под корешок наверняка?!

4

Мужая в этих тренировках,
Бросал украдкой жадный взгляд
На луг у речки. Для сноровки
Мечтал пройти на нём свой ряд —
По шелковистой, изумрудной,
По этой чудо-мураве,
Что завлекала поминутно,
Хмельно бродила в голове.



Там к берегам сазаньи спины
С антеннами из плавников,
Оставив быстрые стремнины,
Входили в камышовый кров
И при явлении коротком
Вселяли веру в нас всерьёз,
Что это — мощные подлодки
Стеречь приплыли сенокос...
Мечтал, чтоб юная соседка
Со мной делила мой успех
И укоряла бы не едко
За каждый маленький огрех,
Когда при встречах лунной ночью
Под сенью старого крыльца
Нас миг любви вдруг вёл на ощупь,
Чтоб слить в единый ритм сердца...
О, деревенские крылечки —
Влюблённых парочек приют!
Хранят усердно наши встречи
И никому не отдают.
Там жив сердечный пыл: и старших
Сестёр и братьев, пап и мам,
И всех последующих даже,
Тех, кто пришёл на смену нам...
От сенокоса к сенокосу
Крылечки свято берегут
Суть философского вопроса:
Зачем мы здесь и кто мы тут?



5

И вот он — день братанья с лугом!
Наставник самый главный — дед
Для узнавания друг друга
Мне выдал на покос билет.
Спокойно, царство лягушачье,
Стрекозья шустрая страна!
Стараться буду не мешать вам
Кружить и прыгать дотемна.
Ждёт впереди большое дело
И стариковский цепкий взгляд
С ворчаньем: «Выше локоть левый!
Веди, веди его назад!
Не гнись! Зачем горбатишь спину?
Ну, прямо вылитый горшок...
Начни я так — косы не сдвину
На самый махонький вершок...»

6

Простые дедовы советы —
С ехидцей, с шуткой, с блеском глаз —
Вели по жизни как сюжеты
И выручали всякий раз.
И в лютый год, и в миг ужасный
Всегда я слышал за спиной:
«Ну, что горбатишься напрасно?!
Держи повыше локоть свой!»



Глава шестая. ТРОПА

Из дневника:

18 октября 2000 года.

Сегодня поцапались с зам. главой Ф. Никогда его таким не видел! Всегда сдержанный, хоть и часто ироничный, вдруг стал на нас орать: «Пора определяться!.. Вам что ни поручи — на корню зарубите! Не умеете — увольняйтесь!» Глаза кровью налились. А когда рыкнул: «Вам коров на колхозной ферме убирать доверять нельзя!» — пресс-секретарша ринулась в контратаку. Тут и мы с начальником информационно-аналитического управления осмелели и кинулись ей на подмогу. Стихийная схватка лишний раз подтвердила, что с нашей стороны никакой целенаправленной работы по выборам нет. Сплошная фикция и амбиции!

Не успел прийти к себе, позвонила О. Она была явно в хорошем настроении: «Золотая осень, господин Номенклатурищик!.. Была вчера в лесничестве — чудо: всюду опашая листва, паутинки с ветки на ветку, как серебряные нити от сердца к сердцу... Ну выкинь ты эти выборы из головы! Работа, работа... Скучно! Пошло!.. Я тебя завтра жду!» И бросила трубку. Может, таким образом надеялась спровоцировать меня на поездку в гости. Может, даже была уверена, что следом перезвоню. Но я этого не сделал — опаздывал: через 20 минут в редакции одной из газет встреча главы с журналистами.

...Телевидение «мочит» нашего по всей программе. Из пяти вечерних передач в самое смотримое время четыре — уничижительная критика в адрес действу-



ющей команды, обвинения в полной некомпетентности и неумении управлять областью.

Где ни бываешь, только и разговор: «А ты видел вчера по телеку? Нет?! Ну, ты, я тебе скажу, много потерял!.. Оказывается...» — и пошел пересказ эфирной мути...

Наивен русский человек! Бьют его веками, обманывают, пичкают брехнёй, — все равно верит. До пены у рта будет первому встречному доказывать, что это так и есть.

Чиновник средней руки с огромным стажем С. выражений не подбирает: «Гады! Я этих тележурналию собственными руками бы давил... Чего наш терпит? Неужто управу не найдёт?»

Столоначальник из смежной структуры К. ехидничает: «По хорошо информированным источникам, к шефу председатель телекомпании позавчера наведывался. Водку пили. Два часа квасили. На прощанье, поговаривают, целовались...»

Зам. зав. И., почесывая вальяжно подбородок, сакраментально резюмирует: «Извивы кадровой политики партии непредсказуемы, батенька!.. Хотя полностью отрицать второй тур будет крайне опрометчиво!»

...Пишу по-прежнему жадно. Может, это компенсация за моральные издержки на работе?

Читал отрывки знакомому писателю Б. Тот одобрил. Форма понравилась. Кажется, и главные герои наконец обрисовались. В их числе, конечно же, наш непотопляемый отечественный чиновник. Сколько их, Его Величества Государства подданных, по всей великой матушке России! И у каждого своя стезя...



1

Как ни светлы мгновенья детства,
Как ни целительны для ран
Душевных, в их тепле погреться
Сюжет претит! И в мой роман
Они, как крохотные гирьки,
На чашу замысла легли
Без умысла и без придирки,
С одной лишь целью, чтоб могли
Уравновесить построенье
В ранжире глав, в шеренгах строк
Орбит высоких вдохновенье
И смысла здорового виток.

2

Мой сенокос был мне тропинкой
В большую жизнь. Она вела
И разжималась, как пружинка,
И за окраиной села,
С глухой обочины просёлка
И с пыльной тверди большака,
Взмывала жаворонком звонким
Под голубые облака.
То в переполненный автобус
Ломилась — видеть белый свет,



Судьбы раскручивая глобус,
Как нескончаемый сюжет.
То от причала альма-матер
С названием звучным «ВГУ»
Бесстрашно правила фарватер
В филологическую мгу
И, пересытив душу чтением
Великих классиков, себя
Самовлюблённым поколением
Преподносила, не терпя
Литературного контроля
Со стороны иных особ,
Чья незавидной службы доля,
Высокомерно-громкий соп
И в пальцах карандаш точёный
Страшней бывали партбюро
Талантам новоиспечённым,
Посмевающим в руки взять перо.

3

Она стыда тогда не знала!
Губ пересохших жалкий стон
На сцену актового зала
Несла легко под микрофон,
Чтоб из динамиков неброских
В неудержимости шальной



Средь знаменитостей московских
И местной публики хмельной
В сто крат усиленная строчка
Селила б в людный полумрак
Благорассудство мирной точки
И восклицанья буйный знак!..

4

Тропинок давних неуместность
Сродни верёвочкам в клубке:
То выплывают на поверхность,
То исчезают вглубоке.
И редко чьи потом способны
Неподалёку от клубка
Стать узнаваемы особо
По отпечаткам каблука,
Чтоб сладострастно упиваться
Персоной собственной; она
Добычею для папарацци
Служить была бы не годна:
Не тот размах, не та фигура
И статус, видно, что не тот...
Кому охота полной душой
Под вспышки лезть, разинув рот?!
Таков удел любой дороги!
Лишь стоит за угол свернуть —



Осядет пылью понемногу,
Припорошит: и жизни суть,
И гвалт начальственных приёмных,
Честолюбивых клерков страх
Со скрипом кресел неподъёмных,
С мобильниками в поясах;
И схроны тайных микрофонов
Да скрытых камер в чреве бань,
Где новорусские Афони
Хмельно ласкают голых Мань;
И роскошь еврокабинетов,
Где под процент или под мат
По сейфам прячут для сюжетов
Приобретённый компромат...

5

Как не вскричать тут: всё от Бога!
Ценить никто не перестал
Судьбу! Трудна её дорога,
Чтоб всех тащить на пьедестал...
Я не могу сказать, чтоб часто,
Но иногда мне с ней везло.
О, как зашкаливало счастье,
Чуть к пьедесталу не несло!
Душа не ведала покоя,
Ум сторонился суеты...



Жаль, состояние такое
Легко проходит: как мечты,
Как та, стремительно-шальная,
Святая первая любовь,
Что огорчает, возвышая,
Не возвращаясь в сердце вновь:
Ни юным образом наивным
Кудряшек из восьмого «А»,
Ни той, что около плотины
Жила в другом конце села.
Не к ней ли вечерами, молод
И страстью вдохновен до слёз,
Шёл на свиданье в лютый холод,
Шёл, обморозив уши, нос?
Шёл, но не в валенках громоздких,
В ботинках, с бляхой на ремне
Армейской, выглядеть чтоб взрослым
И респектабельным вполне.
Шёл, вместо шапки из овчины
Напялив кепку с козырьком,
Из-под которой уши чинно
Торчали — вьюга нипочём!
Шёл, игнорируя протесты,
Упреки мамы: «Жених!
Простуду, что ль, из-за невесты
Схватить надумал? Больно лих!..»



Шёл к долгожданному: «Любимый!»
Шёл к вечному: «Хочу тебя!..»
Шёл с верой непоколебимой:
Любовь не кончится моя...
То состояние тумана
Безумству сладкому сродни
В сюжете нового романа,
Где все — любовь, где мы — одни,
Где за зимой — весна; на зорьке
И сенокос, и душный мрак...
Продлить бы всё... Да вот ведь только
Не продлевается никак!
И сколько б память не дышала
Росистым хмелем синева,
И у косы тупится жало
От шелковистой муравы.

Глава седьмая. ДИАГНОЗ

Из дневника:

21 ноября 2000 года.

Вчера встретился собкор Е. «Есть важная информация для тебя, — сказал. — Подходи к Т. (владелец небольшой фирмы)». Жена запричитала: «Куда на ночь глядя! Ну что он тебе скажет!.. И когда это кончится?!»



Но я пошёл!

Пока снимал в коридорчике куртку, успел уловить интонации знакомого голоса. Вне всякого сомнения, это был наш самый философический аппаратчик зам. зав. И. «Мужики! Погодите, мужики! — неслось из-за двери. — Я вам ответственно заявляю: второй тур по логике и при столь длительном сидении нашего много-неуважаемого губернатора на первых ролях в области должен был бы быть! Но сейчас я не верю! Всё свершится сразу, мужики! Вот увидите!»

«Ага, туда же!» — ухмыльнулся я и резко распахнул дверь к голосам.

«О-о! Кого вижу! — прокричал ещё громче И. — Водка? Коньяк?» Я помялся: пить, честно, не хотелось. «Да ладно, старик! — не унимался зам. зав. — Скоро всё закончится. Второй тур, о котором так долго говорили большевики... сам понимаешь, пирик!.. И вообще чем дольше агония, тем невыносимее... А у нас, старик, семьи, дети... Извини, их кормить надо... Пусть наш шеф нам простит... Шансов у него всё равно нету! Я тебе ответственно заявляю!»

Заправлял застольем светло-русый, аккуратно стриженный молодой человек крепкого телосложения. «Столичный пиарщик», — заранее предупредил меня собкор. Стаканы в мгновение ока наполнялись горячительным содержимым. Тосты были эффектны и уместно ложились в сценарий ситуации. Пока собеседники опорожняли очередные порции зелья и все больше хмелели, незнакомец склонился ко мне: «Генерал оценит вас, если не будете мешать через районные газе-



ты...» Без раздражения, равнодушно заметил ему: «Есть закон о выборах! Они им и руководствуются».

Позже, через пару дней, звонил один из близких мне редакторов «районки» и шёпотом предупреждал: «Под тебя копают... Компромат ищут... Извини, в случае чего, я тебе не звонил...» Я поблагодарил его и рассмеялся: мелко всё! Когда-то человек, которого сегодня предадут, унижают, оплевывают все, кому ни лень, протянул мне руку сотрудничества. Не посмотрел, что в начале 90-х я его часто критиковал со страниц «молодёжки». Должны же мы хоть иногда быть порядочными по отношению друг к другу?! К себе! К своей работе! Ко времени, в котором живём!

Права таки О.! Все — суета и пошлость! Золотой лист в осеннем лесу значит куда больше всего этого мелкого, продажного мельтешения...

О. теперь наверняка и меня презирает, чопорного, трусливого червяка-столовладельца, у кого давно не душа, а стопка ненужных, сцепленных между собой скрепками планов и мероприятий.

В разгорячённую спиртным минуту в офисе владельца небольшой фирмы Т. я было уже намерился схватить телефонную трубку, набрать её домашний номер и чумным голосом самца протрубить: «Завтра!.. Я приеду завтра!» Но тут зам. зав. И. окликнул меня, и внутри что-то как клубок цементной пыли под неосторожным движением лопаты грузно и разом осело на ворох тронутой первым морозцем листвы. «Дуррак! — дошло до меня. — Звонить знакомой женщине домой, где муж, дети...»



1

Пора заканчивать прогулку
От той главы к главе другой.
Уже ноябрь по переулку
С метелью водится порой.
Уже вот-вот, не за горами,
Иных сюжетов сквозняки
Поволокут над головами
Баталий выборных дымки.
Трубит грядущее столетье,
Несёт ладонь под козырёк...
Что будет в завтрашнем сюжете,
Мне, если честно, невдомёк.

2

Прости мне замысел мой трудный,
Читатель — главный мой герой!
Жжёт стыд в груди моей подспудно
За преждевременный отбой.
Себя взять в руки был не в силах.
В висках — не пульс, а чехарда
Хмельной девицей веселилась,
Звала неведомо куда.
Бежал, бежал за ней, теряя
Свой пылкий разум в гуще дней,
Порой себя не понимая
И самых преданных друзей.



Не отрезвлял от помутненья
Суровых будней нашатырь.
Был каждый день — как день рожденья!
И каждый миг — как поводырь!
Но там, где всё казалось прочно
И ладно скроено, к утру
Опять вымарывал я точку...
Я и теперь её сотру!
Роман без знака препинанья —
Не лучший, может, вариант,
Зато готовое название
И повод выпить за талант.
И за любовь, за ту, слепую,
Что — от тебя же ни на шаг! —
Плела сюжет напропалую,
Как нить иллюзий классный маг,
Чтоб мог я дальше жить надеждой,
Места укромные искать,
Где этой точке неизбежной
По сути надобно стоять.

3

Давай, читатель, без обиды
Договоримся тет-а-тет
На мой роман оставить виды
До лучших дней, до прочих лет.



Вдруг жизнь таких ещё сюжетов
Подкинет щедро нам — сам чёрт
Сломает голову при этом
И в кучу их не соберёт.
Уж лучше б женщина-подруга
Явила жалость и меня
Взялась бы вызволить из круга
Нас поглотившего вранья.
И привела бы снова в чувства,
И оживила к будням вкус,
Ведь в этом — высшее искусство
Из всех известных нам искусств!
Раз так, зачем сюжет и точка,
Носиться с ними день-деньской?
Даю им временно отсрочку,
Пока не вышел возраст мой,
Пока тружусь, не мера силы
И пульс с давлением у врача,
Пока звучит во мне Россия
Хрустальной музыкой ручья...
Сполна водил тебя по сходням
Своей затеи — сам устал.
И будней наших преисподню
Почти в натуре показал.
Но признаюсь: не ставил цели
Чернить, порочить, клеветать.



Кто я такой на самом деле,
Чтобы судить и поучать?
Привык я жить со всеми в мире,
Не быть глупей, не быть умней.
В моём чиновничьем мундире
Удобней так мне и честней:
Не жмёт в плечах, не тянут полы
И рукава — точь-в-точь по мне,
Типичный представитель школы,
Где только классика в цене.
И пусть не все оценят выбор,
Он мой и мне нужней всего!
Из прочих дней я напрочь выбыл,
Хоть сам не знаю, для чего.
При самомнении непомерном
И слаб, и жалок человек,
Чтоб выдать дню диагноз верный,
Не говоря уже про век.
Пусть потомки ставят точку,
Коль сыщут днём её с огнём!
Романа нет... А был ведь точно!
Мы даже выросли при нём.
Мы даже шли к нему в герои,
Смеялись, плакали, блюли,
И что-то рушили, как Трою,
И сор в углы его мели...



Всего, увы, не перечислить.
Не нужно это никому!
Роман по чувству и по мысли
Подвластен Богу одному.
Сюжет мой проще и короче,
Без наворотов, подоплёк.
Беру в основу многоточье...
Хороший знак! В нем всё: намёк,
И недосказанность, и удаль,
Свободы ширь, и страсти глубь, —
Туда несёт тебя, оттуда ль
Иль поцелуем рвёт из губ...
Иного выхода не мыслю,
Соблазном сладеньким не льщусь.
Что будет это — компромисс ли,
Победа — предсказать не тщусь!
Бокал вина давно осушен.
В припасе только лишь вода.
Не виноват! Хотел как лучше,
А получилось как всегда!

4

Прощай, читатель мой любезный!
Сегодня время — дефицит.
На службе, в должности известной,
При «Волге» цвета «антрацит»



С шофёром около подъезда
Сказать всего не мог, не смел...
Опять готовлюсь вот к отъезду
Для выполнения срочных дел!

Глава восьмая. ВЫБОР

Из дневника:

24 декабря 2000 года.

Без четверти полночь. Только что возвратился из района. Был уполномоченным от облизбиркома.

Весь день жутко болела голова. Не помогли ни таблетки, ни водка. Время тянулось, будто кто внутри тебя специально с жестоким злорадством длил тягостное предчувствие поражения.

В начале десятого вечера наш звонил районному главе, интересовался первыми результатами подсчёта. С завидной аппаратной изворотливостью тот убеждал: «Всё будет нормально!.. Только-только всё началось... О тенденции говорить рано...» Но мы-то уже знали о данных голосования по 10–12 участкам! Тенденция там такая-я!!!

Минут через пять был ещё один звонок по «вертушке». Глава района мгновенно поменял тон. Отвечал бодро, чётко, уверенно, почти по-военному. «Всё идет по плану!» — заключил он и с облегчением положил трубку. По выражению глаз нетрудно было догадаться: звонил ге-не-рал!



Оставаться до окончательного подсчёта голосов не имело смысла. Хорошо, что район — пригородный, до дома минут сорок езды; и я быстренько прервал миссию уполномоченного.

Ехали с водителем молча. Думалось не столько о бесславном завершении карьеры областного чиновника, сколько о чём-то отвлечённом, совершенно далёком от состоявшегося события. В голове, словно снежинка в свете фар за лобовым стеклом, крутилась невесть откуда сошедшая строчка: «Человек, уставший от вниманья...» Крутилась так навязчиво, что я невольно увлёкся, как бы включился в игру — сочинял!

При въезде в город, на посту ГИБДД, нас тормознули. Долго проверяли документы водителя. Мордатый инспектор с ухмылкой поинтересовался: «Твой-то, небось, лыка не вяжет?!» Я едва сдержался, чтобы не ответить на хамство. Прежде автомобили с номерами администрации области «гаишники» без крайней нужды не останавливали. Неужели уже поступила команда на «отлов» бывших управленцев? Так быстро, не дожидаясь формальностей по передаче ключей от главного кабинета области?..

Стихотворение досочинилось уже дома. О ком оно? О проигравшем губернаторе? О себе самом? А может, о нас всех? Позвонить бы О. и почитать, чтобы оценила: она это умеет великолепно, но разве такое возможно!

Кстати, вот это стихотворение:



Человек, уставший от вниманья,
С первым светом в утренней избе
Топит печь; и дым воспоминанья,
Гулко пробираясь по трубе,
В небеса клубит, не затмевая
Дней прожитых в огненных зрачках,
Жарким треском углей выжигая
Тишины абсурдной боль и страх.

Человек, уставший от вниманья,
Чистит снег к калитке от крыльца
Резво так, как будто на свиданье
Кличут, как когда-то, молодца.
Кормит птиц на стелых зимних ветках,
Ходит в лес, где каждая сосна
Освежает грудь сильней конфетки,
Ум пьянит искуснее вина.

Человек, уставший от вниманья,
От предательств, сплетен и интриг,
Лечится осознанным молчаньем
И неспешным чтеньем умных книг.
Курит трубку мира и покоя,
Страхивая пепел суеты
В плошки из-под розы и левкоя,
И разводит новые цветы.



Человек, уставший от вниманья,
Сам готовит завтрак и обед,
Верит снам и в чудо покаянья,
В скоротечность славы и побед.
Неохотно думает о вечном —
Вечное же дымом сквзовым
Ввысь стремится, чтобы в бесконечном
Рассосаться облаком седым.

Глава девятая.
P.S. (Постскриптум)

Из дневника:

2 марта 2001 года.

Нас до сих пор не увольняют. Слухи ходят: не до «бывших» — в разгаре выборы депутатов областного Законодательного собрания и городской Думы. Если что и прояснится, то не раньше конца марта — начала апреля.

Неопределённость хуже скуки. Днями сижу в своём кабинете. Выехать куда-нибудь в район без разрешения — рискованно: того и гляди, прогулом посчитают да и вытурят. Одни бесконечные случайные звонки по телефону. Пустяшные разговоры. Расспросы знакомых — что да как? — раздражают. Скрытое злорадство недоброжелателей буквально сквозит — сдерживаешь себя, чтоб не послать. Поручений сверху не дают, на совещания не приглашают. Ты есть, и вроде тебя здесь больше нет. Даже стихи — фантазии в тон настроению:

К вчерашнему себе уже не вхож без стука.
С трудом осознаю явлений новых скуку.
Сижу в своей приёмной —
 смирненький, нездешний,
Платочком вытираю пот со лба потешно.
Коварной мыслью тень стоит в дверном проёме:
Вдруг самому себе я откажу в приёме!
А рядом важная, почти как генеральша,
У зеркала час битый секретарша,
Присутствием не тяготясь, причёску правит,
Болтает в трубку, и смеётся, и лукавит,
А то шепнёт такое — самому неловко
За голос вкрадчивый, намёки, недомолвки...
Часы массивные над сановитой дверью
В секундах отмеряют тишину неверья.
Приёма нет и нет! Приёмный час до срока
В болтливом клюве унесла с собой сорока.

...Позвонила О. По голосу чувствовалось: она чем-то сильно расстроена. Сколько её знаю, всегда иронична, тут же, хоть и попыталась скрыть своё неважное настроение за эпатажной манерой разговора, а получилось вяло и невыразительно: «У нас, конечно, красотища необыкновенная! Лыжня с крутояров — прелесть. Толпы отдыхающих... Но я тебя, увы, не приглашаю». И после некоторого молчания с горечью выдохнула: «Переезжаем...» Назвала населенный пункт в соседней области. «Моего после выборов с должнос-

ти выгнали, — продолжила она. — А там недавно мама умерла, хороший дом остался с огородом — жалко продавать. По железной дороге до Москвы пять часов езды... Мужа уговорила: мол, спокойней будет... — И вдруг как выпалила: — Спасибо тебе за всё! Даже за то, что так и не соизволил минувшим летом и по осени приехать. Когда-нибудь обязательно напишешь: “По окончании выборов телефонный роман с ней неожиданно прервался. Удивительным, странным был он. Можно сказать, отзвучал в трубку — как строка за строкой, без всякого знака препинания...”» При последних словах я кожей ощутил на себе колющий взгляд её карих глаз, зримо представил, как резко при этом взмахнула она головой и в сторону легко и дерзко отлетел туго увязанный жгут золотистых крашенных волос. «Вот видишь, пришёл и мой бабий час с третьей российской бедой потягаться!» — попрощалась она.

2000–2001, 2005

ЯЧМЁНКА

*Воспоминание о необычной поездке
студента со своим односельчанином
за соломой на Ближнее болото
и обратно*





* * *

Понять бы: кто мы, где мы?
В какой такой стране?
Прочней любой системы
Лишь память в нас:
Во мне,

В друзьях, знакомых, близких,
В просёлках дорогих!
Она — как обелиски
Времён и вех иных.

Её не сдует пеплом,
Не раскрошит грозой.
Она с годами крепнет,
Смешавшись со слезой.

Мы в ней поочерёдно —
Скитальцы и творцы.
По чётным, по нечётным
Снуём во все концы.



Не просто так — со смыслом,
С надеждой: обретёт
Душа в скитаньях мгlistых
Свой ясный путь вперёд.

И, взвихрив будней поиск,
Заглушит птичий грай
Гудками память-поезд
С маршрутом в отчий край.

Там мама ждёт напрасно,
Что кто-то из детей
Объявится на Пасху
Со всей семьёй своей.

Там соберётся люду
На кладбище полно...
И я там тоже буду
Со всеми заодно.

Пусть бьётся сердце с грустью
У стареньких оград,
Отец, деды, бабуся —
Свиданью каждый рад!

И мысль стегнёт, как плетью,
Своим тугим концом:



У смерти всех столетий
Одно и то ж лицо.

Всё перед ней бессильно:
Народы разных рас,
Любой декрет партийный
Или вождя указ;

Тираны и титаны,
Пророки, фраера
И даже хулиганы
С соседнего двора;

И юноша влюблённый,
И девочка с косой;
И тополь пропылённый
У стёжки полевой...

К крестам взывает совесть.
В душе — разлад, борьба.
И что ни надпись — повесть!
Ни человек — судьба!

Не думая о смерти,
Прочту — всех слов живей —
На мраморе: «...Терентий...»,
В народе — Ворожей.



1

От солнца день рыжееет.
По спальне луч скользит.
— Вставай-ка, с Ворожеем
Соломы привези! —

Жалея, с неохотой
Мать треплет щёку, нос.
— У Ближнего болота
Её в потерях — воз!

К Ноябрьской поросёнка
Зарежем, может быть...
Вот и нужна ячмёнка.
Чем борова палить?

У мамы аргументы —
Не если б да кабы:
Каникулы студенту
В селе не для гульбы.

Омыты грудь и шея,
Сон изгнан изнутри.
— Не видел Ворожея,
Наверно, года три.



Всё так же пьёт и лечит
Почти что весь Союз?
— То ль лечит, то ль калечит,
Я в это не суюсь.

— А почему же наши
К Терёхе не идут?
С Урала едут даже,
По месяцу живут,

Пьют из колодца воду
И верят...
— Сам спроси!
Всегда полно народу
Чудного на Руси.

И нет у диалога
Ни цепи, ни звена.
Мать всё одно — про Бога,
А я — про колдуна.

Вдруг стук в окно:
— На вызов!
Мать спешно:
— Ворожей!
Сейчас запрётся в избу...
Сынок, иди живей!



Возьми в погребке грабли,
Про вилы не забудь...
— Ивановна, на храбрость
Плеснула б что-нибудь! —

Из сенцев в хату голос
Проходит.
Ворожей
Приглаживает волос,
Лицом — стерни рыжей.

Мать:
— У меня откуда?!
И выпил — вижу я.
— Вот бабы, вот паскуды!
Не пил уже два дня...

Стоит.
Молчит.
Моргает.
Не веки — пулемёт.
— Гляди: не наливает,
Кто ж даром поможет?!

И шепчет мне на ухо,
Чтоб мать слыхала:
— Вань,
У колдунов житуха
Теперь просто дрянь!



2

А август нынче — что-то!
По грудь в жаре увяз.
На Ближнее болото
Мы едем мимо баз.

Жуют коровы силос.
В рогатом царстве лад.
— Погода — это сила,
Награда из награды! —

Терёху после рюмки
Ведёт на разговор:
— А хочешь, выдам думку? —
И на меня — в упор.

— Погода, коль по норме,
Всевышнего наказ.
Погода есть — мы с кормом,
Без корма нету нас...

У колдунов в заначке
Погода, как пятак.
Не всякую болячку
Излечишь натощак...



Выходит, что по смыслу
Погода — всё.
Как дом!
Без ней и сердце — мышца,
И ум наш — серый ком.

Кнутом Терёха тычет
То в лоб, то в левый бок.
— Они друг дружку ищут,
Чтоб был единый прок.

Без них душа — корыто,
А может, решето.
Собака в чём зарыта?
Мы без души — никто!

— Ты, дядь Терёх, как Гегель...
— А это кто таков?
Вот был когда-то Гоголь,
Писал про колдунов.

— Философ — Гегель. Немец.
Велик был, как гора...
— Известный — ха! — умелец
Народ тот — немчура.



Прищурился ехидно,
Со лба убрал картуз:
— Философ...
Что ль, не видно?
Ну, прям немецкий туз!

3

До Ближнего дорога —
От силы две версты.
— Хлестни! — прошу Терёху, —
Умру от духоты.

Что у тебя за лошадь?
Плетётся, будто спит.
— Ты зря!
Малёк хороший,
Резвей не побежит.

Колхозное начальство
Доверило коню
Ответственный участок:
В сад возит малышню.

Такое дело, парень!..
Животину не трожь.



Я на своём:
— Но парит,
Вот-вот начнётся дождь.

И плакала ячмёнка.
А там уеду я.
И нечем поросёнка
Палить потом...
— Брехня!

Езжай.
Реветь не станем.
Ишь гегель-гоголь-туз!
Ивановне доставим
По сроку ценный груз.

В ходке по днищу шарит
Рукой, ворчит под нос:
— Куда девалась тара?
Как будто чёрт унёс!

И гордо:
— Тут! —
Четвёрку
Извлёк:
— На свет взгляну!..
Глони-ка за ячмёнку.
Не будешь? Я глону.



Солома ты, солома,
Ячмённый вкус тоски!
Терёху борет дрёма,
Хватая за грудки.

Осталось и всего-то:
Коню — горячий кнут,
И вот оно, болото —
Езды конечный пункт.

С тоскою беспричинной
Пытает чибис нас:
— А чьи вы?
Чьи вы?
Чьи вы?
Зачем вы тут сейчас?

Ну что ответишь птице?
Чем выкажешь вину?
Тем, что покойно спится
В телеге колдуну?

Что в этот день погожий
Среди земли родной



Один из нас негожий
На подвиг трудовой?

Не все из аргументов
В почёте у судьбы.
Каникулы студенту
В селе не для гульбы!

Поспи, поспи, Терёха!
Управляюсь — не беда.
Тебе сегодня плохо,
А нам-таки всегда.

Хворь извлекаешь ловко
Из роковых оков,
А мы не знаем толком,
Как лечат колдунов...

Что ж, к делу, вилы, грабли!
Равнее, грудь, дыши
В созвучье с мирным храпом
Умаянной души!

5

От скуки ли, от злости,
До жженья в пятерне
Гребу до самых остей
Потери на стерне.



Ромашка полевая
И синий василёк
Вплетаются по краю
В соломенный венок.

Росток зелёной жилкой
На солнце от тепла
Сквозь стебли лезет к жизни
Проворней, чем игла...

И кажется:
Окрестность,
Вся степь, весь шар земной
В ячмённый ворох вместе
Зарылись с головой.

И верю я охотно
В фантазии свои:
У Ближнего болота
Припрятан пуп земли.

И знаю — будет рада
Соломе свежей мать:
«Ячмёнка-то что надо!
Корове вот бы дать!»

Жаль, нет у нас бурёнки,
Один лишь поросё,



Да вдовьи дни-подёнки
С печалью на сносях,

Да смысл — кормить, лелеять
Животину, чтоб враз
Мог двор кудахтать, блеять
И хрюкать ради нас.

6

Был скор у Ворожея
Дорожный чуткий сон!
Терёха тянет шею,
Винится:
— Самогон...

Жариш-ша разморила... —
Ладонью скулы мнёт:
— Ишь покосилось рыло,
Рука не узнаёт!

Но радостного чувства
Скрыть всё-таки не мог:
— Гнать самогон — искусство
Нелёгкое, сынок!

Тут, как и ворожею,
К микстуре важен нюх.



Хлебнул чуток — уже я
Задиристый петух.

Ни хворей, ни болячек,
Покой в душе и лад...
Вот так-то!
А иначе
Микстура телу — яд.

И стал пенять мне тихо:
— Толкнул бы колдуна:
Вставай, мол, забулдыга,
Какого спишь рожна?!

Уткнул в телегу пипку,
А дело как бы брысь...
Но слышь: про мать, про Грипку
Я помню, не бойсь!

Эх ты, студент! Стыдливый...
Ну молодость — не грех.
Зато, гляжу, ретивый,
Раз вкалывал за всех.

Намёк Терёхин тонкий
Его же выдал взгляд:
— Да ты нагреб ячмёнки
На десять поросят!



Молчу.
И хоть обида
Во мне невелика,
Серьёзен лишь для вида,
Для нового рывка.

Сгрести, снести в копёнки
Потери — не вопрос.
Сложней есть работёнка:
Надёжный сладить воз,

Чтоб, взгромоздясь на дроги,
Весь влитый, как в корсет,
Он где-нибудь в дороге
Не сиганул в кювет.

Тут навык нужен,
Точный
Расчёт
И меткий глаз...
Волнуюсь, как заочник:
Воз правлю в первый раз!

Навилень за навильнем
Растёт копна...
— Ужэй!



Давай вперёд-ка сдвинем
Немного, —
Ворожей

Командует.
— Как студень
Расползся правый бок...
Потом:
— Слезай оттуда,
Передохнём чуток!

Умаялся легонько:
Годами — не студент. —
Картуз швырнул в сторонку...
— Покоя в жизни нет!

А если нет покоя,
В душе свободы — ноль.
— От колдуна такое
Услышать не смешно ль?

И, может быть, не к месту,
Спросил я у него:
— А от каких болезней
Ты лечишь и кого?

Спросил не от бесстыдства —
От юного огня



Простого любопытства,
Сжигавшего меня,

Хотя и знал я с детства:
Из наших редко кто
Терёху по-соседски
Расспрашивал про то.

Коль рассудить серьёзно:
Ну, лечит — и пускай,
А есть ли, нет ли пользы,
Сам пробуй и решай!..

8

Ответил он не сразу.
Прилёг, затем присел:
— Болезней много разных,
Но я лечу не все.

Кому какую карту
Судьба на кон кладёт.
Больного от инфаркта
Целитель не спасёт.

И если кто — калека...
Тогда наверняка



Колдун, как ни кумекай,
Похож на слабака.

Для лысых шевелюры
Не прячу я в подол.
И для слепых микстуры
Пока не изобрёл...

Смеётся:
— Что, доволен?
А смысл один, такой:
Кто головою болен,
Тот точно мой больной!

9

Я, позабыв о такте,
В атаку рвусь опять:
Когда ещё вот так-то
Мы сможем поболтать!

— А честно, дядь Терёха,
Неужто их, таких,
Действительно так много —
На голову больных?

— Хватает... Жизнь такая!
— А чем она плоха?



Страна — одна шестая
Планеты...
— Чепуха!

Большие мы тетери!
Живём чем Бог пошлёт:
Кто тащит, кто потери
Колхозные гребёт...

— Лечить их всех, сатрапов! —
Вступаю я в игру.
— Да, кой-кого пора бы,
Допрежь Политбюру...

Терёха с выраженьем
Хихикнул:
— Цыц — кому!
Придут за Ворожеем
И упекут в тюрьму.

А у меня кровинок
Мал-мала целых шесть.
Поди-ка, прокорми их,
Чтоб было пить и есть!..

Вот, кстати,
При Хрущёве
В кутузку, как пахан,



Попал...
Смешно?
— Ещё бы:
Колдун — и хулиган!

— Во-во!
Допрос, анкета.
Вопрос, ответ — как встарь.
«Работаете где-то?..
Профессия?..»
«Свинарь!»

И дело нагорело:
Пятнадцать суток — срок...
Начальник райотдела
От срама уберёт.

Трёх дней тебе, мол, хватит,
Но твой нужен совет:
Хозяйка забрюхатить
Не может десять лет.

На мотоцикле в полночь
В село с ним — за водой.
Даю бидон:
«Вот помощь!
Хворь снимет как рукой..»



А год спустя пацанку
Супруга родила.
Майор — ко мне...
Гулянка
Суровая была!..

Красавец, моложавый,
Шутил со мной, любя:
«Воды на всю державу
В колодце у тебя!»

А я ему, мундиру,
В ответ как вынь-положь:
«Бери, начальник, шире:
На заграницу тож!»

10

Я перебил:
— Про случай
Скажи.
За что в тюрьму?
— По глупости могучей
И мелкой по уму.

И начал:
— Было просто.
Отец твой, Жук, Купон,



Ещё там кто — с погоста
Вернулись.
С похорон.

Нам показалось: мало
Мы выпили тогда.
И всё пошло сначала,
По кругу, как всегда.

Свалился первым Стежка,
А следом я — долой!
Так Жук меня в тележке
Полночи пёр домой.

Ну а моя, не скрою,
Стервоза — нет такой.
Да и давай башкою
О печку: раз, другой...

И в кадку, в кадку рожей
Кунает: мол, Терёш,
Своей водицей тоже
Лечись, ядрёна вошь!

Очухался когда я,
С обиды — в горле ком.
Закрыв жену в сарае
С коровой и телком,



А сам уснул.
И вспомнил
Про Ньюку среди дня...
Молчком, без драк, без вони,
Ментам сдала меня...

Ну ладно, не жалею.
Обида уплыла.
Всегда у ворожеев
Нелегкой жизнь была.

Не ради зубоскальства
С тобою говорю.
Но с той поры начальство
Лечить я не терплю.

К властям приноровиться —
Задача нелегка.
Годами будешь виться —
Схлопочешь враз пинка.

Отец-то мой, признаться,
Власть целить любил.
А вот в войну за яйца
Они его — в Сибирь.

Сослали-то за шутку:
Не враг какой-нибудь... —



Терёха на минутку
Умолк передохнуть.

Тут я:
— И что?
— Бабёнка
Из дальнего села
Для хвораго ребёнка
Воды набрать пришла.

А на постой — к соседке,
Да и сболтнула ей:
«Мы жрём себе объедки,
А яйца — ворожей».

Свояченицей нашей
Соседка та была.
И разговор папаше
Точь-в-точь передала.

Он на смешные штуки
Горазд был, нету сил!
Легонько, для науки,
Молодку проучил.

Вот, значит, спит деваха.
Под лавкой — «пи!» да «пи!».



К поклаже шасть со страха:
Где ж яйца?
Цыплаки!..

Так, хватит!
Говорильня —
Как речка без плотин.
Ещё по три навильня —
И восвояси, сын!..

Буян и выпивоха,
Росточком что картуз,
Встаёт с земли Терёха —
Добавить возу груз.

11

Ячмёнка ты, ячмёнка,
Соломы жаркий пук!..
Встревоженной пчёлкой
К нам мчится Витька Жук

С той стороны болота
По полю прямиком
И трёт свой лоб от пота
Чумазым рукавом.



— Здорово, Бог вам в помощь!
Соломка хороша.
Рукой такую тронешь,
Аж вздрогнется душа...

Что ж, подсоблю немного! —
Из рук Терёхи рвёт
Он вилы.
— За подмогу
Пять капель мать нальёт? —

Моргает мне...
— В ячмёнку
Теперь бы вечером
Да завалить девчонку,
Не будь кто дураком!

Жуку нельзя поддаться!
Бурчу я как нахал:
— Нашёл ты, где валяться!
Есть в доме сеновал.

— Терёх, гляди: зелёный,
А, кажется, смышлён.
— Так он студент, учёный,
А ты кто?
Скотогон!



— Не скотогон, а скотник
И бывший тракторист,
Навозных дел работник,
Колхозных ферм артист.

— Ты зубоскалишь вечно.
— Нельзя?.. А я привык!
— Типун какой покрепче
На твой большой язык.

Что к парню приклепался?
Ах! Девки — лап да щуп...
Ты сам-то там валялся?
Лишь получал отлуп!

Тебя когда-то Зойка
Без всяких ячменей
Сгребла в охапку бойко —
И под венец скорей.

— Не Ворожей — заноза! —
Хохочет Жук опять. —
Ты ж сам не дал гипноза,
Чтоб девок охмурять.

— Ты про гипноз помягче:
В любви он ни при чём!



А девка будет слаще,
Когда возьмешь с трудом.

Да с лаской чтоб, с истомой,
Чтоб в сердце страсть — кричи!..
А там — что на соломе,
Что если б на печи!

12

Бывает, споры в ссору
Перерастают вдруг!
Не подрались бы скоро
С Терёхой Витька Жук.

Приятели до гроба —
Водою не разлить,
Уже готовы оба
Друг друга колотить.

Но тут повозка с места
Пошла, как с бугорка,
Без явного протеста
Со стороны Малька.

— Куда, куда, хороший? —
Схватился Ворожей. —



Зачем ты от Терёши?
Остановись скорей!

Но нет!
Идёт-плетётся
Соломенный фантом
По направлению солнца,
На запад напрямиком.

О ужас!
Там болото!
И кажется, вот-вот
Неразличимый кто-то
Тихонько воз толкнёт,

И в щупальца заката
Нырнёт он с высоты
На пару с днём-собратом,
Став жертвой пустоты...

И, дав воображенью
Свободу и простор,
Ловлю в себе виденье,
Похожее на вздор:

В закат, в закат, туда же,
На пересыльный пункт,
Возами все однажды
Нырнём — не извлекут!



Там дни за днями в годы,
Теснясь, наверняка
Вливаются, как воды,
В могучие века,

А те потом — в эпохи,
И — сплошь поток времён...
Жуку и мне с Терёхой
Найдётся место в нём!

Найдётся даже пчёлке
С букашкой наравне.
И этой всей ячмёнке
В потерях на стерне...

И, поднятый тревогой,
Бегу я воз спасать.
Ору Жуку с Терёхой:
— Пора и честь бы знать!

13

Проделанной работе
Пришёл желанный срок.
Нас всех троих с болота
Везет домой Малёк.



Верней, везёт Терёху.
А мы — пешком с Жуком.
Да пусть!
Нам так неплохо.
Полезнее пешком.

Смеркается.
Учтиво
Жалеет чибис нас:
— Хоть чьи,
Хоть чьи,
Хоть чьи вы,
Куда вы в поздний час?!

Машу прощально птице.
Терёха — вслед за мной:
— Сгораздит уродиться
Занудистой такой!

Кричит — аж дух вынает,
Аж бельмы жмурит жуть...
— Тебя опохмеляет! —
Язвит по ходу Жук.

Вальяжно, сонно с воза
Грозит ему колдун:
— Когда-нибудь гипнозу
Покушаешь, болтун!



Деревня — не столица,
Тут каждый всем знаком.
Иглою не просочиться
Ни явно, ни тайком.

На ферме с тёткой Клавкой
Встречается нам Трось:
— Не воз, прям автолавка!
Ивановне, небось?

С минуту новостями
Идёт обмен про всё.
И Клавкин бас:
— Мы с вами
К товарушке с Тросём!

Её к чему-то Клашкой
Деревня кличет вся.
Она в мужских компашках
С девичества своя.

Телятница.
Гром-баба.
Пудов на восемь вес.
А выпить дай — могла бы
Хоть литру за присест.



Трось рядом с ней — страданье,
Людской обидный срам.
Он Теловычитаньем
Зовёт себя же сам...

По праву ль, не по праву,
На славу ль, на позор
Честной такой оравой
Вкатились мы во двор.

Всплеснула мать руками,
Растеряна до слёз:
— Не рассчитаюсь с вами
За этот чёртов воз!

Вздохнула, сожалея:
— Соломы привезти
Просила Ворожея,
Тут весь колхоз почти!

Пока соображала,
Поставить стог бы где,
Ячмёнка вся лежала
Давным-давно в скирде

У дальнего сарая,
На заднике двора...
Ладони потирая,
Жук лыбится:
— Пора!



— Пора! —
И Трость, и Клашка
Подхватывают клич.
— Терёх?
— Как все!
— Милашка!
Колдун — за магарыч!

Без дипломатий тонких
Жук просит мать:
— Кума,
Займи пузырь у Тоньки,
Вернём: не задарма!

Солому, в самом деле,
Желательно обмыть:
Чтоб был кабан твой в теле,
Чтоб было чем палить!..

Отличная ячмёнка:
Завидно даже нам.
По рюмке за печёнку,
И сразу по домам.

15

Обыденно, без тостов,
Порядком хороши,
Непрошенные гости
Пируют от души.



В саду, под старой грушей,
Горланят и поют.
Уже и Клашку Клушей
Из нежности зовут.

И литру, и другую
Уговорили влёт.
Жук рявкнул:
— Голосую,
За третьей кто пойдёт!

Но кто, и так всем ясно.
Вот поднята рука,
Ещё...
Единогласно
Все выбрали Жука.

— Пожалуй, справедливо! —
Итожит Клашкин бас. —
Тащи скорей огниво:
Костёр в груди угас!

Поддержкой окрылённый,
К заданию готов,
Жук взглядом вдохновлённым
Обвел сперва дружков

И в стол упёр ладони,
Чтоб легче встать...
Ей-ей!



В ногах свинца по тонне,
А может, тяжелей!

Зад будто замурован
В бетоне по пупок...
Напуган Жук, взволнован.
Слеза из глаз вдоль щёк.

Он вымолвить не может
Ни слова, лишь мычит.
— Хорэ! Артист мне тоже! —
Незлобно Трость ворчит.

— Вставай! —
Хохочет Клашка,
Жука под мышки хватать —
Ни с места Жук.

— Милашка!
Ты чё, япона мать?!

На эту суматоху
Задумчиво взирал
Со стороны Терёха,
Как будто что-то знал.

Не удержался только:
— Ты, Клашка, погоди! —
Хлоп по плечу легонько
Жука:

— Вставай!
Иди!



Хоть с виду тот — громила,
От лавки и стола
Пушинкой чья-то сила
Его приподняла.

Жук прорычал:
— Измена!
Видали кто-нибудь?! —
И кулаком-безменом
Терёху стукнул в грудь.

Колдун — мужик тщедушный,
А тут — такой кулак!
Спикировал от груши
И шлёпнулся в вишняк.

Затем вскочил, метнулся
Во двор и впопыхах
Тотчас назад вернулся,
Но с вилами в руках.

— Дуришь, Терёх, однако! —
Жук пятился.
— Насквозь
Проткну!..
— Вяжи собаку!
Вяжи! —
Метался Трость.



Стремительно трезвея
От жажды сдачи дать,
Схватили Ворожея
И начали вязать

Со знанием и ловко,
Не в шутку, а всерьёз
Пеньковой той верёвкой,
Какой скреплял он воз.

Терёха возле груши
Побитым псом скулил:
— Несчастные вы души,
Я так!
Я пошутил!..

То вдруг сипел гортанно
И плакал от тоски:
— Ведь я ж к вам — без обмана!
Ведь я ж к вам по-людски!

Мне в жизни много ль надо?
Целю — и все дела!..
Вы — колдуны разлада,
Вы — ворожеи зла!

Хлебатели халтуры,
Душ собственных скопцы...
Стоите, ржёте сдуру,
Как будто жеребцы!



— Достал! —
Призналась Клашка.
— Почуял, чья берёт. —
Сняла с себя рубашку
И Ворожею — в рот.

16

Солома ты, солома!
Не вспомнишь обо всём...
Терёха дрыхнет дома,
В омете —
Жук с Тросём.

Гулянка что работа:
Такой же тяжкий труд!
Кто пил,
кто бил кого-то —
Потом не помянут.

От пьяного мытарства
Душе,
чтоб в лад и в тон,
Надёжное лекарство —
Здоровый крепкий сон.

Поспи, поспи, Терёха!
Всё схлынет, как вода.
Тебе сегодня плохо,
А нам таки всегда.



Чем ворожеев лечат,
Не знаем мы, а жаль...
Восход расправил плечи,
Раздвинул ширь и даль.

По тропам,
по ухабам,
Где вплавь,
а где и вброд
На мягких рыжих лапах
Крадётся,
будто кот.

Где ткнётся тёплым носом
В мышиную нору,
А где метёлкой проса
Качнётся на ветру.

И поползёт дворами
Всё ярче, горячей,
Цепляясь коготками
Заточенных лучей

За ставень,
за наличник,
За избяной косяк,
Докладывая лично,
Что прибыл
как-никак



По праву,
и по чести,
И просто по нужде,
Чтоб быть со всеми вместе
В веселье и беде...

А по-другому разве
Случается когда?..
Лишь Клашка
(вот зараза!)
Слиняла — ни следа.

А так все аргументы
Расшиблись,
словно лбы...
Каникулы студенту
В селе не для гульбы!

* * *

С тех пор прошло лет тридцать...
На Пасху каждый год
Я езжу поклониться
Крестам за весь наш род.

Хожу, смотрю могилы.
И черпает душа
В земле отцовской силы
Спокойно, не спеша.



Былинки на погосте
Послушны ветерку.
Пьют, поминая, гости —
За мёртвых по глотку.

Я за Терёху тоже
Стаканчик подниму.
Обычай вдруг поможет:
Тут — нам, а там — ему!

Вино расправит плечи,
Как крылья на спине.
Спрошу его я:
— Легче
В чужой той стороне?

И, словно в оправданье,
Ещё разок плесну.
— Глони-ка за свиданье!
Молчишь... А я глону!

Не торопись с ответом,
Пусть будет про запас...
Не знаю, как тебе там,
А нам — кричи: атас!

Тут что ни день — похмелье
И что ни час — загул!
Такое в души зелье
Нам льют — ты б не рискнул.



Пришли тебе в замену
Лихие колдуны.
Дурят народ в три смены,
Не чувствуя вины.

Городят, как в Содоме,
Общественный уют.
Не ездят за соломой
И самогон не пьют.

На кой им чёрт ячмёнка
И прочая мура!
Теперь к нам поросёнка
Везут из-за бугра.

Растасканы потери,
И нечего скрести...
Тетери мы, тетери,
О Господи, прости!

Скажу тебе, Терёха,
Без всякого вранья:
Тут — не твоя эпоха,
И даже — не моя!

Не обессудь студента
И не кори себя!
Нет лучше аргумента,
Чем выпить за тебя.

2005, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Акаткин. «На службе собственной строки...» <i>Поэмы Ивана Щёлокова</i>	3
Знак Водолея	29
Сон-звезда. <i>Поэма-аллегория</i>	37
«Красный пояс». <i>Лирико-публицистическое повествование</i>	59
Роман без знака препинанья. <i>История одного замысла в стихах и дневниковых записях провинциального чиновника</i>	69
Ячмёнка. <i>Воспоминание о необычной поездке студента с односельчанином за соломой на Ближнее болото и обратно</i>	129

Литературно-художественное издание

Щёлоков Иван Александрович

ПОЭМЫ

Редактор *В.Е. Новохатский*

Корректор *Е.С. Стрельникова*

Компьютерный дизайн и вёрстка *И.К. Вовчаренко*

*В оформлении сборника поэм
использованы репродукции картин **О.М. Савостюка**
из книги «Олег Савостюк на воронежской земле. Альбом»,
изданной благотворительным фондом
«Художники Воронежа в 2018 году:
на обложке — «Крик», в шмуцтитутах — «Луна»,
«Масленица», «Полустанок», «Осень». (Фрагмент),
«Уход».*

*Автор благодарит сына художника
Михаила Олеговича Савостюка
за согласие на публикацию репродукций
картин своего отца.*

Подписано в печать 09.10.24. Формат 70х100¹/₃₂.
Усл. печ. л. 14,3. Заказ № 1336. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Воронежская областная типография»
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.